

Дарья Андриянова

Девятка

«ACT»

Андриянова Д. М.

Девятка / Д. М. Андриянова — «ACT»,

Все эти загробные миры, вечный покой, единение с богом... Я ждал этого. Ждал смерти всю жизнь, рассчитывая получить освобождение или хотя бы успокоение. Наивно полагал, что смерть – конец пути. Как же я ошибался. Ведь оказалось, это самое начало моей истории...

Глава 1

Вот маленький факт. Когда-нибудь вы умрете.

Маркус Зусак – «Книжный вор».

Я умер в подвале. Сначала я не понял этого – решил, что потерял сознание. Вокруг темнота, но глаза хорошо различают стену, о которую я шмякнулся головой при неудачном падении. Ничего не болит. Да я и не успел почувствовать боль – все произошло быстро. На стене пятно крови. Оно выглядит так, будто плеснули вином из кубка. Вниз стекают тонкие дорожки, к неестественно согнутому телу. Ноги лежат прямо, а голова вместе с туловищем – на боку, спиной к стене, оставляя небольшое расстояние между бедрами и полом. Не знаю, сколько я пролежал, но мне противно смотреть на это.

Какая-то крыса отгрызла половину уха. Впрочем, зачем оно мне теперь? Его облепили мухи, одна заползла внутрь. Глаза закатились под верхние веки, кончиком касается пола выпавший из рта язык. В нечесаной густой бороде остались сухие крошки хлеба. Неужели я всегда был таким уродом?

Я умер в бегах. Кто бы мог подумать, сначала бегство лишило меня свободы, а затем и убило. Но только теперь, стоя над телом, я понял одну простую истину – не мог я быть свободным при жизни. Все законы, чужие мнения, которые волновали меня перед рабством – все это больше не имеет значения. Я больше не часть Алкеона.

В подвале показался надсмотрщик. Он прошел сквозь меня и с озадаченным видом остановился над телом. Наверное, он нашел, какого раба не досчитывался в последние дни. Его взгляд метнулся к винным бочкам, затем снова к телу. Ага, вот, значит, зачем он ходит в подвал. Будь я сейчас жив, побежал бы доносить. Но вряд ли бы меня кто-нибудь послушал.

Надсмотрщик присел на корточки, зажимая ноздри пальцами, вторая рука медленно тянулась к моей голове. Осторожно коснувшись слипшихся и затвердевших от крови волос, он быстро освободил лоб от каштановых прядей. Нашему взору предстало клеймо. Моя рука сама потянулась к новому, призрачному лбу. В страхе я провел по нему кончиками пальцев, едва касаясь кожи. Лоб гладкий, как будто и не было никакого клейма.

Надсмотрщик сидит надо мной с задумчивым видом. Кажется, будто он на что-то решается, но я не уверен. Если подумать, ему надо сообщить о смерти одного раба. За это его выстегают. Но есть другой вариант – поступить так, как поступил бы я. Бежать, бежать из этого кошмара. Для него это простая задача. Несмотря на низкую цену, он владеет большей свободой воли, чем владел я. На его лбу другое клеймо – квадрат, четыре пересеченные линии. На моем – девять.

Самое сложное – решиться. Убегающих называют трусами, но я считаю это суждение несправедливым. Трус тот, кто терпит, кто боится бежать. Заставить себя практически не возможно, если помнить, что будет ждать после поимки. Но если думать о том, что обретешь при успехе – страх уйдет.

Кажется, надсмотрщик принял какое-то решение. Он подошел к винному бочонку, вытащил затычку. Чтобы хлебнуть, ему пришлось садиться на пол и наклонять бочку к себе. Делал он это с чрезвычайной осторожностью. Капля вина на одежду – и его четверка превратится в пятерку. Обратной дороги уже не будет.

Кадык трижды опускался и поднимался, когда он делал шумные глотки. Осторожно вернув бочку в начальное положение, он отер рот ладонью и повернулся к моему телу.

Немного постояв, надсмотрщик пробежался взглядом по трупу и, взяв за ноги, оттащил от стены. Я зажмурился, когда пробитая голова звонко шлепнулась на пол. Брезгливо, работая растопыренными длинными пальцами, надсмотрщик стащил с меня штаны и внимательно осмотрел их со всех сторон. Колени стерты до дыр, но видимо, надсмотрщик решил, что их еще могут носить рабы, и аккуратно сложил. Не знаю, сколько людей до меня таскало это тряпье. Когда мне его выдали, оно воняло чужим потом.

Следующее – непонятного желто-коричневого цвета балахон, испачканный на спине моей кровью. Когда надсмотрщик его снял, я увидел шрамы, оставленные плетью. Длинные, розовато-белые полоски поврежденной кожи. Каждый удар заставлял работать упорнее, через боль, через усталость.

Но теперь я свободен.

Я встаю на мыски – пятки легко отрываются от пола. Не приходится даже подпрыгивать, чтобы оказаться в полете. Я завис в воздухе, на расстоянии примерно в кулак от пола. Мой лоб уже скрылся в потолке и, возможно, торчит на первом этаже поместья. Я пытаюсь двигаться, но тело слишком легкое, чтобы привычных сокращений мышц. Тогда я вспоминаю забавы младшей сестры. Она любила рассказывать байки про выходы из тела. В детстве она все уши прожужжала, что ночами, когда она ложится спать, на одной только воле поднимается и парит над собственным телом. Вспоминая это, я попытался представить, что поднимаюсь над потолком. Но то ли у меня воображение плохое, то ли выдумки сестры действительно оказались выдумками. Я решил сделать иначе. Я *захотел* подняться, захотел почувствовать, как голова проходит через толстый пол первого этажа. И у меня получилось.

Призрачное тело медленно поднималось. Я закрыл глаза, боясь, что в них может что-то попасть – хотя позже понял, что страх этот напрасен.

Я набрал скорость, пронесясь сквозь потолок на первый этаж и увидел повариху в пожелтевшем фартуке, которая тащила на спине толстый мешок с продуктами. А повариха меня не увидела. Я смело полетел по белоснежному коридору. Мне за это не влетит, меня не побьют, даже не увидят. Я спокойно пролетал сквозь встречных людей. Пнул в зад своего хозяина – он даже не заметил.

Тесный домик стоял далеко от особняка. И пусть снаружи он облицован гранитом, чтобы не портить вид, внутри неотшлифованные деревянные стены, из которых я частенько получал занозы. На полу, покрытом небрежно разбросанной соломой, лежали мои товарищи – восьмерки и девятки. Они спали. Мы всегда спали, когда нас не заставляли работать. В тарелке недоеденная каша. Нас... теперь правильнее будет говорить «их», всегда будут кормить сытно и плотно. На вкус – полное дермо, но это только поначалу. Со временем перестаешь обращать на вкус внимание, еда служит источником энергии.

Мысленно попрощавшись со старыми товарищами, я вылетел через потолок, снова жмуясь. Взору открылось большое имение хозяина. Даже отсюда трудно разглядеть край. За огромными полями начинается лес, за лесом – город. А вот город хозяину не принадлежит.

Пролетая над лесом, я набрал скорость и снизился настолько, что ступни проходили сквозь верхушки деревьев. Лес сменился маленьким желтым городом. Я спустился к базару и пролетел мимо ряда рабов с разными клеймами. Восьмерки и девятки – крепкие, стояли спокойно. Им как будто бы и все равно, что их продают.

Когда я стоял здесь же, мне было не все равно. Я стеснялся своего положения в обществе. Стеснялся я и того, как продавец описывал меня хозяину. Он назвал меня трусом. Разница между мной и ими огромна. Я стал рабом, они – родились. Это можно понять по спокойной раскрепощенности, по взгляду, который не бегает от человека к человеку, боясь увидеть нового хозяина, а полон холодного равнодушия.

Я снова взлетаю. Город становится маленьким, умещается на ладони. Я даже могу сжать его в кулак, и мне смешно от этого. Он все отдаляется и отдаляется, постепенно становясь маленьким желто-коричневым пятнышком в центре зеленого леса. И вот вокруг меня белое непроглядное облако. Начинает казаться, будто бы я не поднимаюсь, а камнем падаю вниз.

Вылетев из облака, я оказался отнюдь не в чистом небе. Вокруг большое пространство. Здесь нет стен, пола и потолков. Тут пустота. Неужели это и есть завершающий этап умирания? Я разочаровался, но рано.

Вокруг меня точно так же поднимаются души. Мы переглядываемся, рассматриваем друг друга. Каждый – в чем мать родила, разного пола и возраста. Мы не стесняемся, а только ожидаем, что же произойдет дальше.

За временем здесь уследить невозможно. Я не знаю, сколько проторчал в том белом пространстве, но мне это надоело, и я полетел наугад. Верх это был или низ, право или лево – понять невозможно. Даже некоторые души висят в пространстве вниз головой. Или вниз головой лечу я? В конечном итоге мой полет все же принес результат.

Я встал в очередь. В начале стоит человек. Он задает какие-то вопросы, отсюда не слышно. Затем берет запястье души, тонкую кисть с чернилами, пишет что-то на запястье и отпускает. Я сказал «человек», а не «душа», потому что он сильно отличается от нас. По крайней мере, у него есть одежда – длинный белый балахон, скрывающий щиколотки. А еще у него есть чернила, которыми он пишет на запястьях душ.

Очередь приближается, а я так и не слышу, о чём говорит человек. Рот открывается, но звука нет. Зато мне прекрасно слышны ответы душ. Они называют имя, фамилию, должность. И все. Иногда человек задумывается, прежде чем сделать запись на запястье, иногда пропускает быстро. По крайней мере, он висит в пространстве головой вверх, значит, я тоже.

Иногда, когда раздумье затягивается, душа называет еще и причину смерти. Вот это интересно послушать. Одного затоптала насмерть лошадь, другого задушила жена, третий неудачно поплавал в море. К своему удивлению я заметил, что все говорят на моем языке. Значит, здесь проходят очередь жители Виелдара. Наверное, в разных уголках этого пространства есть разные люди с чернилами, чтобы очередь не получалась бесконечной. А может, этот человек говорит только на виелдарском.

Очередь подошла. Теперь перед этим человеком стою я. Его рот открылся – я приготовился услышать голос. И он раздался в моей голове. Спокойный, холодный, равнодушный. Такой голос бывает у людей, которые десятками лет работают на одной и той же работе.

– Добро пожаловать в сортировочную систему загробных миров, – произнес он. Его спокойный взгляд с ледяными неестественно-синими глазами зафиксирован на моем лице. – Чтобы начать сортировку, назовите, пожалуйста, свое имя и фамилию.

– Ниортон, – произнес я тихо. – Ниортон де ля Карт.

Я отыскал эту фамилию. Я давно не избалованный сын графа, который любил выходить в город просто так – посмотреть реакцию на себя.

Лицо человека осталось невозмутимым.

– Должность, – услышал я в голове, когда он открыл рот.

Я поджал губы. Нет, я привык к своему положению в обществе. Я не привык называть свое имя и фамилию вместе с должностью. Таких, как я, обычно зовут по количеству полосок на клейме. К слову, девяткой я стал не так давно.

– Девятка, – глухо произнес я.

Интересно, а душа может побледнеть? Если да, то, скорее всего, сейчас я сливаюсь цветом с окружающим пространством.

Человек не спешит подписывать мое запястье. Он смотрит в мои глаза и совсем не мигает. Прочитать эмоции по такому лицу совершенно невозможно, оно ничего не выражает. Человек застыл. Он стал похож на статую с утонченными чертами лица.

Молчание длится не слишком долго. Он даже не спрашивает причину смерти. Тонкая кисть опускается в чернильницу, парящую в пространстве, затем касается моего запястья. Прощладная и влажная. Я умер недавно, но уже отвык от привычных ощущений температур.

Я опускаю взгляд к руке и резко распахиваю веки. На запястье написана цифра девять.

– Проходите на следующий этап распределения, – прозвучал холодный голос в голове.

Спрашивать страшно. Я никуда не прохожу, а стою на месте, пляясь на новую девятку на теле. Перевожу взгляд на человека и вздрагиваю – он улыбается.

– Это ваш номер в очереди.

Я не сразу понимаю, что он сказал. Душа позади меня начала тихо ворчать. Номер в очереди – какая для них ерунда. Для меня это девятка. Девятка, которая на теле.

– А можно вопрос? – неуверенно спрашиваю я.

Человек молчит, продолжая сверлить мои глаза ледяным взглядом. Я все же решаюсь спросить.

– Почему ваш голос звучит в голове?

Душа позади замолчала. Видимо, ей тоже интересно узнать ответ.

– Я немой, – отвечает он.

Душа позади, конечно, ответа не услышала.

Я пролетаю дальше. Похоже, он и правда обычный человек. Если у меня исчезло клеймо, если затянулись шрамы после плеток, у него должен был исцелиться голос. Если он мертвый. А может ли случиться так, что я говорил с ангелом? Я улыбаюсь этой мысли и поворачиваюсь еще раз взглянуть на человека. Он уже не смотрит на меня, а принимает следующую душу. Никаких крыльев за спиной я не вижу. Интересно, узнаю ли я когда-нибудь его тайну?

Впереди вижу дверь, зависшую в пространстве. Рядом стоят души, и еще один ангел-человек. К слову, пусть лицо у него и другое, они все равно одинаковые. Такой же холодный взгляд и застывшая мимика. Он тоже не моргает, смотрит на приближающегося меня совсем неподвижно.

– Руку, – говорит он. По крайней мере, это не голос в голове, и то лучше.

Он посмотрел на цифру моего запястья. Я же смотреть туда не стал, чтобы еще сильнее себя не травмировать. Здесь я не раб, здесь не девятка.

– Девятка, – произносит человек, а я вздрагиваю.

Он видит мою реакцию и тоже улыбается. Наверное, я слишком смешно отзываюсь на эту цифру, что заставляю каменные лица пошевелиться.

– Ваша дверь дальше.

На языке завертелся простой вопрос «почему?», но в этот раз я не решился его задать. Попытка разглядеть, что написано на чужих запястьях, ничего не дала. И все же у этих душ, почему-то, одна очередь, а у меня – другая. Может, это входы в те самые загробные миры, про которые говорил первый человек? Мне сестренка что-то говорила про это. Какие-то души перерождаются в тела младенцев, продолжая путь в Алкеоне, а какие-то становятся частью великого всего. Правда, я никогда не верил в подобное.

Следующая дверь оказалась рядом, просто я ее не сразу заметил – белая поверхность сливалась с пространством. Тут же стоит душа, и с ней человек в длинном белом балахоне и с каменным лицом. Если честно, я уже подустал от этих бесконечных очередей и перелетов. Если мне и сейчас скажут идти дальше, то я останусь здесь в знак протesta. Пусть знают, что их система распределения не очень нравится душам.

– Девятка, – произнес человек, глядя в мои глаза. В этот раз я не вздрогнул, уже был заранее подготовлен. – Когда я скажу, можете входить в дверь. Там вам объяснят дальнейшие действия.

Я устало лег в пространстве, рассматривая душу девушки. Она волновалась, наматывала на палец черные кудри и смотрела то на человека, то на дверь. Я решил попробовать с ней заговорить.

– Привет, давно здесь? – спросил я, повернувшись в пространстве к ней затылком и чуть прогнувшись, чтобы она видела мои глаза. Борода неудобно перекинулась на лицо, я ее отодвинул.

– Не знаю, – сказала душа и грустно опустила взгляд в бесконечность.

– Как это, ты не знаешь? Как можно не знать, долго ли ты ждешь или нет? – спросил я, переворачиваясь на живот и подкладывая руки под подбородок, как будто они на что-то опираются.

– Здесь другое время. Ангел мне объяснял, но я так ничего и не поняла.

– Ангел? – спросил я, поворачиваясь к человеку.

– Ангел-сопроводитель, – уточнил он. – И вовсе не человек, как вам могло показаться.

Думаю, я покраснел. Хотя не уверен, что души могут краснеть. Но в любом случае, будь в моем призрачном теле кровь, она бы сейчас ударила в щеки и уши.

– Могут, – сказал ангел.

– Что могут? – не понял я, а сам мысленно удивился, что этот ангел оказался более разговорчивым. Выходит, они все же не одинаковые.

– Души могут краснеть, – объяснил ангел. – И вы ошибаетесь, мы одинаковые.

Интересно, каким образом он читает мои мысли? В прочем, это не важно. Ангел есть ангел, в любом случае, у него больше возможностей, чем у обычного человека.

– Им можно задавать любые вопросы, – говорит душа. – Они ответят на все, на что в праве ответить. Для этого они здесь и стоят.

– А, вот оно как, – говорю я и снова краснею.

Выходит, те предыдущие ангелы улыбались, потому что знали, как меня пугает цифра девять. Может быть, они специально издевались, произнося это число, вырисовывая его на моем запястье?

– Нет, – сказал ангел. – Ангелы не издеваются. Ангелы проверяют.

Глава 2

*Эта мысль – украденный цветок,
просто рифма ей не повредит:
человек совсем не одинок –
кто-нибудь всегда за ним следит.*

Игорь Губерман – «Гарики на каждый день»

Но мне казалось, что они издеваются. Девушку с номером восемь вскоре позвали, но из двери не выходил седьмой. Я остался наедине с ангелом-сопроводителем, не снимающим маску с каменного лица. Как странно – когда я получил возможность получить ответы на все вопросы, голова тут же опустела. В попытках поймать какую-нибудь мысль, абсолютно любую, я замечал, что мыслей становится все меньше и меньше. Потом они пропали совсем, и я погрузился в какой-то транс.

Я нагло смотрел на ангела, что считалось неприличным в Алкеоне. А он – на меня. Первая мысль, которая образовалась у меня в голове, была такой: «Наверное, он тоже находится в постоянном безмыслии. Нет, не он. Все они».

– Да, – согласился с моей мыслью ангел.

Я вздрогнул. Не привык, что кто-то читает мысли.

– А это… Почему я иду в эту дверь, а в ту, другую, идет толпа? – неуверенно спросил я, переставая глязеть на ангела.

– Эта – для рабов, – ответил он равнодушно.

Вот так. Оказывается, в загробных мирах тоже есть разделение по кастам. Я уж было подумал, что смогу побывать самим собой, что больше не придется чувствовать себя ниже других.

– Ты будешь собой, – ответил ангел. – Будешь. Именно для этого рабы идут отдельно.

Я поменял положение в пространстве и теперь как будто стоял на невидимом полу. Наверное, для рабов у них отдельный мир. Такой, где их не будут презирать и относиться как к дерму.

– Да. Для рабов другой мир, – ответил ангел. – Там рабы будут собой.

– Собой... – эхом повторил я.

Здесь я еще меньшая песчинка, чем в Алкеоне. Да что там, в Алкеоне, даже если смотреть с точки зрения страны. Виелдар – государство маленькое, но у меня даже там не было имени. Только цифра. Сначала единица, потом двойка, тройка... девятка. Что может быть хуже? Думаю, даже десятку нести легче. Потому что ее нести и не приходится – получившие десятку живут от силы два часа.

Поэтому девяток считают самыми смирными, поэтому они самые дорогие. Потому что ни одна разумная девятка не возьмется сбежать. Каждая девятка боится накосячить, всегда выполняет работу правильно и к сроку. Но я не в их числе. Даже став девяткой, я посмел бежать. И все-таки умер. Но это оказалось не так страшно, как я думал при жизни.

– Девятка, – сказал ангел, а я опять вздрогнул.

И этот ангел, подобно предыдущим, улыбнулся моей реакции.

– Можешь проходить внутрь, – продолжая слегка улыбаться, одними уголками губ, сказал он.

Я подлетел к двери. Сначала посмотрел, что находится позади нее, и убедился – там пустота. Затем я открыл дверь. За ней был и пол, и стены, и потолок, обшитые светлым деревом. Заальным столом, в груде бумаг, сидела девушка-ангел. Она отличалась от тех, что я видел прежде. Ее лицо не казалось каменным.

Я шагнул в комнату, дверь за спиной закрылась сама. Наверное, это ангел с обратной стороны ее закрыл. Теперь я чувствую себя живым – ноги стоят на осязаемом полу, тело больше не кажется призрачным.

– Садись, – сказала девушка-ангел и указала рукой на удлиненный стол, за которым уже сидели двое.

Два ангела. Один похож на предыдущих, а другой отличается черным балахоном и мягкими чертами лица. Между ними свободный стул, куда я и сел. С непривычки меня немножко пошатывало, удержать равновесие после долгого витания в бесконечном пространстве оказалось трудной задачей. Тело неведомой мне силой тянуло вниз так, что ноги подгибались.

– Привыкнешь, – сказала девушка, со звонким шлепком бросая на стол толстую тетрадь и вставая с места.

Я напрягся. Ее острые черты лица, тонкие ярко-красные губы, искривленные в хищной улыбке, горящие непонятным мне азартом глаза – все настораживало. Она обошла стол и остановилась передо мной.

– Я – ангел-судья, – представилась она, беря мою руку ледяными пальцами и резко переворачивая, чтобы увидеть цифру на запястье. – Девятка, значит. На суде адвокатами станут твои ангел-хранитель, что справа от тебя, и черт-искуситель – слева.

Я повернулся к парню с приятным лицом. Сейчас оно было серьезным, брови сведены к переносице. Так значит, эти двое были со мной всю жизнь. Я, оказывается, был не одинок – за мной всегда приглядывали.

– Значит так, – сказала девушка, поворачиваясь к нам спиной и проходя до своего стола. Она подняла толстую тетрадь, быстро пролистала ее и открыла на последней странице. – Ты умер в бегах. Первое обвинение – трусость, а это уже повод отправить его в Няд. Уважаемые адвокаты, у вас есть, что сказать в оправдание?

Я замолчал, глядя на ангела-хранителя. Тот в свою очередь смотрел на черта-искусителя, а он – на ангела-судью.

– Это я подбил его на побег, – тихо, но уверенно сказал черт-искуситель. – Я искусили четверку напиться хозяйственного вина, а затем выкрадя ключи, которыми он обычно запирал восемерок и девяток.

– Хорошо, – раздраженно прорычала судья, быстро листая увесистую тетрадку.

Я удивленно смотрел на черта. Раньше мне казалось, что они созданы как раз для того, чтобы сделать человеку хуже после смерти. А он еще и защищает – как странно.

Ангела-судье, видимо, надоело листать тетрадку. Она положила ее на стол разворотом вниз и быстрым шагом подошла к столу. Она уперлась в него прямыми руками и наклонилась к моему лицу.

– Ты родился рабом? – спросила она, криво улыбаясь едко-алыми губами.

Для меня это больная тема, но, думаю, лучше не тянуть с ответом.

– Нет, – выдохнул я. – Я сын графа де ля Карто.

Ангел-судья сдвинула ярко-черные брови к переносице. Какое-то время она смотрела на меня неподвижно, ритмично постукивая длинными ногтями по столу.

– Отлично, и как же ты стал единицей? – спросила она.

– Это вышло… случайно, – задумчиво ответил я. – Отец не отдал мою младшую сестру замуж за графа Тарниола. Он владеет небольшой землей на севере. И тот донес, якобы я домогался до его сестры, – я поджал губы, вспоминая, что чувствовал в тот момент. – На следующий же день меня без всякого суда клеймили и отправили в армию.

– В армию, значит, – слажаво-ядовитым голосом сказала ангел-судья. – Обращаюсь к уважаемым адвокатам. Почему он сбежал с поля боя, тем самым заработав второе клеймо?

Ангел-хранитель спокойно поднял холодные глаза.

– Я оберегал его от опасности, – вкрадчивым голосом отвечал он. – Армия врага превосходила их армию. Выжил только он, и то благодаря побегу.

– Вот как, значит, – сказала судья, начав расхаживать взад-вперед возле нашего стола. – А как вы объясните тот факт, что, став дворником, он много ленился, оставляя улицы грязными? А сам в это время тихонько просиживал в кабаках, скрывая под отрашённой челкой двойное клеймо?

Я покраснел, надувшись шариком на своем стуле. Адвокаты смотрели на меня, ожидая, что я объясню поведение. Но оправданий я не нашел. Когда молчание затянулось, опять вмешалась судья.

– Вы оба, – девушка презрительно посмотрела на моих защитников, – знали, какой суд ждет его после смерти. И, тем не менее, позволили сидеть ему в кабаке вместо работы. Жду ваших объяснений, уважаемые.

Задачники продолжали молчать, глядя на меня. Я переводил взгляд с одного на другого, и мне показалось, что их глаза умоляют меня ответить. Но мне действительно нечего сказать – я правда ленился.

– Значит, объяснительную положите на стол. Пишите сразу на имя Бога, а он уже решит, что с вами делать. Думаю, – девушка улыбнулась шире, обнажая белые зубки, голос садистски повеселел, – хранителем и искусствителем вы больше не будете.

Они зеркально кивнули, а я повесил нос. Теперь, когда я понимаю, что всю жизнь за меня кто-то нес ответственность, мне становится стыдно. Из-за моей лени те, кто оберегал меня, те, кто всегда был рядом, попали в неприятное положение.

– Ниортан де ля Карто, – вдруг обратилась ко мне ангел-судья. – Решение – Ньянд.

– Протестую! – воскликнул черт-искуситель.

Он встал со стула, опираясь вытянутыми руками с тонкими изящными пальцами на стол.

– И в чем же заключается ваш протест, уважаемый? – спросила она, цепляясь большими пальцами за маленькие кармашки белого балахона.

– Его нельзя отправлять в Ньянд, – мягким голосом объяснял черт. – Вспомните, кем он был раньше.

Девушка вернулась к своему столу и присела на далеко отодвинутый стул. Перевернув тетрадь, она подперла ладонью подбородок. Глаза забегали по тексту, челюсть напряглась. Задумчиво ангел-судья пролистала несколько страниц, уголок губ нервно дернулся.

— Я... не могу принять решение, — сказала она, с шумным выдохом закрывая толстую тетрадь.

— Опять... — протянул ангел-хранитель, закатывая глаза.

Черт сел.

— Да, опять! — прикрикнула она. — Распределение — очень ответственный шаг! Если я ошибусь, он будет мучиться целую вечность.

«Она едва начала работать судьей, — раздался голос черта в моей голове. — Вот и выпендривается, пытаясь скрыть неуверенность».

Я посмотрел на искуителя — тот ободряюще улыбался. Да уж, не так я представлял чертов. Думал, они — маленькие злые уродцы, которые только и желают зла своим подопечным. А я еще и плевался в него.

— Открываю, — сказала судья дрожащим голосом.

Хранитель поджал губы.

Девушка зажмурилась и протянула руку вперед. В воздухе с резким хлопком появилась белоснежная дверь. Судья стояла перед ней, казалось, как будто даже и боится. Она медленно подняла руку, приложила костяшки пальцев к поверхности и коротко стукнула два раза.

— Что, опять? — послышался бархатный голос с той стороны.

— Да, — выдохнула судья.

— Хорошо. Я приму.

Дверь исчезла с тем же хлопком. Девушка отпрянула, закрывая руками лицо. Я не видел ничего страшного в этом исчезновении двери, скорее, мне казалось странным поведение судьи. Даже хранитель и искуитель улыбались, наблюдая за этим.

— Ладно, теперь наша очередь, — сказал ангел, поднимаясь со стула.

Он протянул руку вперед, и тут же с хлопком появилась еще одна дверь. В этот раз не белая, а грязно-зеленая, какой бывает вода в некоторых морях.

— Входи, — сказал хранитель.

Я неуверенно поднялся, продолжая поглядывать на хранителя с искуителем, и, взявшись за прохладную бронзовую ручку, потянул дверь на себя.

Кто-то толкнул меня в спину, и я стремительно полетел вниз, видя под собой небольшой островок в необъятном зеленом океане. Островок стремительно приближался, и я понял, что разбьюсь. Но меня с двух сторон подхватили искуитель и хранитель. Черт слева, ангел справа. Они плавно поставили меня на белый прохладный песок.

Хранитель оттянул вперед мою бороду так, что за ней потянулась и голова. Искуитель длинными черными ножницами за один «чик» отрезал ее и кинул в воду. Ангел осторожно повернул мою голову под каким-то непонятным углом, подбородком к черту. Тот осторожно, не задевая кожу, стал отстригать остатки коричневых курчавых волос на подбородке. Волосы летели во все стороны, рукава искуителя покрылись ими. Я несколько раз чихал, когда они попадали ко мне в нос.

— Где мы? — спросил я.

В этом месте пустота ощущалась кожей. Островок, покрытый белым холодным песком, омываемым слабыми зелеными волнами океана, оказался маленьким, всего по пять шагов в обе стороны.

— Там, где мы с чертом сидели всю твою жизнь, — холодно ответил ангел, подставляя ост्रое лезвие к моей щеке и соскабливая щетину.

— В твоем внутреннем мире, — дополнил черт, бросая ножницы в океан.

— Но почему здесь так пусто? — с недоумением спросил я, задирая голову, чтобы ангелу было легче брить подбородок.

— Это мы у тебя должны спрашивать, почему в твоем внутреннем мире столько воды, — ответил черт, усаживаясь на песок.

Мне не казалось это правдой. Я всегда считал свой внутренний мир богатым и красивым, представлял яркие цветущие деревья, множество необычных существ, олицетворяющих мои безумные мысли. А здесь оказалось пусто. Вода – вот, оказывается, чем всю жизнь я был наполнен! А этот островок – единственная действительно живая часть меня.

Подул холодный ветер, поднимая волны в океане. Я поежился, вода обрызгивала тело.

– Хватит, – сказал черт. – Ты сейчас остаток суши затопишь своими мыслями.

– Что, мои мысли – просто вода? – удивился я.

– Да, – говорил ангел. – Любые мысли – вода. Суша – когда мыслей нет.

– Когда ты родился, твой внутренний мир был огромной пустыней, – продолжал черт. – Мы с ангелом бродили по ней первые месяцы твоей жизни. А потом пошел первый дождь. Годы шли, дождь то лил, создавая мелкие озера и реки, то прекращался. Озера расширялись в моря, моря соединялись, становясь океанами. Под конец твоей жизни нам приходилось делить незатопленный островок оставшейся суши. С каждым днем, когда возобновлялись дожди, ты оставлял нам все меньше простора. Мы боялись, что однажды ты затопишь весь мир.

– Выходит, вы жили в моем внутреннем мире? Вдвоем?

– Да, – отвечал ангел. – Ты никогда не был одинок. Всю твою жизнь, начиная с зачатия, мы были рядом. И теперь, когда ты умер, мы продолжаем защищать тебя. Но скоро тебе придется действовать самостоятельно.

– То есть, вы покинете мой внутренний мир? И куда же вы пойдете? – спросил я, глядя в зеленую воду.

Странно видеть свое отражение без бороды и клейма. Квадратный подбородок открылся взгляду. Теперь даже легче голове стало, борода не тянула ее вниз.

– Пойдем оберегать и искушать следующего человека, – сказал ангел, становясь справа от меня и кладя руку на мое плечо.

– Приглядись, – сказал черт. – Это вода – твои мысли. Именно благодаря ей мы за тобой приглядывали. К слову, пока этой воды не было, ты был почти беззащитен. Мы даже не знали, что с тобой происходит.

Я приглядился. В воде действительно плавала моя жизнь, мои мотивы и мысли. Всегда внутри меня сидели те, кто знал меня не хуже, чем я сам. Всегда кто-то волновался за меня, за мои ошибки, за мои неосторожные действия. А я-то считал себя не понятым всеми, никому ненужным изгояем.

– Все верно, – говорил ангел. – Для нас люди – как для вас дети. Вырастить и отпустить.

– Но что же ждет меня дальше? Вы так и не рассказали.

Черт подошел слева и, подобно ангелу, положил руку на мое плечо. В зеленой воде мы сплывались в одно целое – черное, белое и я посередине.

– Дальше тебя ждет либо Ряд, либо Няд, – сказал черт.

– Это я и так слышал. Но кто это решит? – спросил я, продолжая наблюдать, как в воде плавают мелкие рыбки. Оказывается, мой внутренний мир все же населен. – Судья ведь не смогла сделать выбор.

– Это решит Бог, – ответил ангел.

– Бог? – переспросил я, не поверив ушам.

– Да, ты будешь говорить с Богом, – продолжал черт. – И нас рядом не будет. Мы даже не сможем сидеть в твоем внутреннем мире, ведь разговор с Богом должен проходить с глазу на глаз.

– И как я должен себя вести? – спросил я, чувствуя нарастающую панику.

– Главное быть вежливым и искренним, – отвечал искушатель, отпуская мое плечо. – Не вздумай льстить, он это сразу почувствует. Говори только тогда, когда тебя спрашивают. Так будет лучше. И не просись в Ряд – Бог сам решит, где тебе место. Он больше всего не любит, когда его поучают или пытаются навязать свое мнение.

Я поджал губы. Подул холодный ветер, раздувая спутанные каштановые волосы. Стайки рыбок в воде стремительно расплывались в разные стороны, а сама вода отступила от берегов, рискуя обрушиться на остров ледяной волной. Я воду не трогал – просто знал, что она ледяная. Все же это мой внутренний мир, здесь я – бог.

– Только не вздумай мыслить подобным образом при Боге, – сказал черт, мягко улыбаясь. – Он не терпит конкурентов.

– Конкурентов? Чтобы с ним конкурировать, нужно быть либо безумцем, либо глупцом.

– Поверь, – сказал ангел, выставляя руку вперед – появилась еще одна дверь, – таких в загробных мирах хватает.

Хранитель открыл новую дверь и вынул оттуда длинный серый балахон. Такой же, как у ангела и черта, отличимый только по цвету.

– Надень, – сказал ангел, протягивая балахон мне. – Теперь ты всегда его будешь носить.

Я с радостью принял одежду и тут же облачился в нее. После старого рабского тряпья, пропахшего потом, этот балахон выглядел как одежда богатых графов. Хотя на деле я понимал, что мой отец ни за что не надел бы подобное.

– Пора, – сказал черт, подхватывая меня за левую подмышку. За правую подхватил ангел, и мы мягко взлетели. Мое тело стало таким же тяжелым, как и при жизни, поэтому летать самостоятельно я больше не мог. Хотя внешне почти ничего не изменилось. Единственное отличие – отсутствие бороды и клейма.

В зале суда взад-вперед расхаживала ангел-судья, нервно поглядывая на дверь, ведущую, как я догадался, к Богу.

– Все, пусть заходит! – сказала судья, махнув рукой на дверь. – Хватит капать мне на нервы!

Она открыла дверь. Черты лица сразу смягчились – она нежно улыбалась, глядя в проход, чуть-чуть прикрыла глаза, как будто получая удовольствие.

– Где же душа? – раздался бархатный голос изнутри.

Я подошел ко входу. На большой мягкой кровати сидел Бог.

Глава 3

Мы для богов, что мухи для мальчишек, себе в забаву давят нас они.

Олдос Хаксли – «О дивный новый мир»

Рядом с кроватью на столике из вазы на длинной резной ножке свисал зеленый виноград. Морщинистая рука подхватила средним и указательным пальцами одну виноградину, закинула в рот.

– Садись, Ниортан, я не кусаюсь, – Бог кивнул на мягкое белое кресло, обшитое золотыми нитями.

Тело глубоко погрузилось его в поверхность. Я уже много лет не сидел на чем-то мягким. Спина давно отвыкла от спинок, поэтому я держал ее ровно, а не откидывался.

– Можешь ничего не бояться, – говорил Бог. – Хочешь виноград? – он взял вазочку за тонкую ножку и протянул мне.

Я неуверенно мотнул головой, хотя понимал – на самом деле, хочу. Я не ел винограда больше двадцати лет.

– Значит, ты у нас граф, – сказал Бог. – Почти что граф. Я прав?

– Нет, – выдавил я.

Бог сдвинул брови к переносице.

– Запомни навсегда, – голос прозвучал строго, даже немного предостерегающе, – я всегда прав. Даже если я не прав, я все равно прав.

Я кивнул, не совсем понимая, что он имеет в виду. Бог вздохнул и разочарованно опустил голову.

— Со временем ты поймешь, Ниортон. И все же, ты почти граф. Сын де ля Карто, знаешь ли ты, что твои братья и сестра трагически погибли задолго до тебя?

Я вздернул голову. Бог не сводил с меня глаз.

— До смерти ты был единственным наследником. И твой хозяин прекрасно это знал, вот и добавил девятую полоску к твоему клейму. Для надежности, скажем так.

Даже восьмерки не имеют право на наследство. Любое их имущество переходит во власть хозяина. Скорее всего, он клеймил меня в девятый раз для того, чтобы я точно не посмел сбежать.

Но я, вспоминая слова черта, смолчал. Лучше не говорить, когда не задают вопросов.

— У тебя были прекрасные хранитель с искусствителем, — сказал Бог, покосившись на запертую дверь — единственную дверь в комнате. — Очень жаль, что из-за тебя придется их немножко понизить в должности.

— Почему?.. — посмел я спросить.

Мне действительно жаль тех двоих, они, оказывается, многое для меня сделали.

— Почему понизить? Они не справились с работой. Ты не должен был умереть так рано, но ты умер. Ты не дожил до положенной смерти четыре дня.

Четыре дня! То есть, если бы я не упал, я бы все равно вскоре умер! Стоило ли мне тогда сбегать, стоило ли рисковать жизнью? А может, все было так подстроено, чтобы меня поймали и поставили десятое клеймо? Это приравнивается к смерти, тогда бы я умер десяткой.

— Да, твои хранитель и искусствитель все неплохо продумали, чтобы выполнить план к сроку. Но вот неудача — тебя занесло в подвал, где одна нога случайно запнулась о другую, и ты полетел в злополучную стену.

— Значит, они подстроили мою смерть? Они хотели меня убить?! — я не верил ушам. Ангел и черт казались мне добрыми и надежными после общения в моем внутреннем мире.

— Ну, что ты такое говоришь? — Бог мягко улыбнулся и закинул в рот следующую виноградину. Медленно ее пережевав, он лег на кровать, как будто я и не сидел рядом. — Они не хотели тебя убивать. Они были обязаны это сделать.

Я удивленно раскрыл рот, а Бог, тем временем, прожевав очередную виноградину, продолжал, даже не глядя в мою сторону:

— Я принял решение. Ты отправишься в Ньянду.

Я хотел запротестовать, но вспомнил слова черта. Лучше молчать. Может, он просто меня проверяет, ждет реакцию.

— Думаю, ты должен кое-что об этом знать. Длинна суток в Ньянде шестнадцать часов. Следовательно, ты не будешь успевать делать все то, что успевал в Алкеоне. Если ты будешь тратить по восемь часов на сон ежедневно, у тебя останется еще восемь. Вычиши час на еду, час на свободное время — остается пять. Еще час вычиши за личную гигиену и туалет. Отдел в Алкеоне часто отвлекает пустое общение — так что вычитай еще час из рабочего времени. Естественно, смысла работать по три часа в день нет никакого. Поэтому в Ньянде создан особый график, по которому ты и будешь жить оставшуюся вечность. Поначалу тебе будет непросто. Но другие привыкают — ты тоже привыкнешь. Только нужно сделать кое-что, что не будет отличать тебя от прочих жителей Нянды.

Бог сладко потянулся, зевнул и сел на кровати. Он выдвинул большими пальцами ног пушистые тапки из-под кровати, просунул в них ступни и встал. Ростом он оказался ниже меня на полторы головы. Это выглядит забавно, если помнить, что передо мной стоит сам Бог.

— Пойдем, — он указал подбородком на дверь и стал ждать, что я выйду первым.

Я вышел, ожидая увидеть хранителя с искусствителем и судью, но это оказалось другое помещение. Передо мной стоял тяжелый деревянный стул, увешанный кожаными ремешками. В остальном комната оказалась абсолютно пустой. Нет, стены, пол и потолок тут, конечно же, были, но на этом все и заканчивалось.

– Садись, – велел Бог.

Я послушно уселся на неудобный стул. В прочем, к неудобствам я уже давно привык, хотя здесь, в этом сортировочном мире (я не уверен, что все еще нахожусь в нем), на время мне пришлось забыть о положении в обществе.

Но когда Бог тugo пристегнул ремнями тело, когда я понял, что совсем не могу двигаться, до меня дошло: раб не может быть бывшим.

Теплая рука Бога легла на лоб.

– Единица, – сказал он.

Я закричал. Эту боль мне приносили девять раз. А теперь – десятый. Мой новый лоб больше не гладкий, на нем – одна полоска.

– Проступок, – сказал Бог. – Все люди однажды отступают, но каждому дают шанс на исправление. Первая полоска – свободные люди, которым нужно только доказать свою преданность стране.

Это не правда. Никакого проступка я не совершил. Меня подставили.

– Двойка, – лоб снова зажгло.

Мое тело дернулось, но ремни крепко прижимали меня к жесткой поверхности стула. Две линии на лбу пересеклись, создавая прямой угол.

– Оступившийся дважды все еще имеет шанс. Он может жениться, завести семью, владеть имуществом и работать на низкооплачиваемой работе. Но ты, даже получив в знак предупреждения вторую полоску, доказал, что не согласен жить по людским законам.

Не было мне дела до женщин и денег. Я уставал на работе настолько, что, прия домой, валился с ног, запихав в себя сухую булку. Поэтому я и ленился, поэтому и отлынивал от работы. Ну, по крайней мере, казалось, что я устаю.

– Тройка, – третья линия создала квадрат без дна. – Тройки еще могут вырваться в люди. Они продолжают работать на государство, могут жениться, но права на собственность у них нет. Тройки должны вести себя смирно, чтобы окончательно не лишиться свободы.

Тройкам платят меньше, чем двойкам. О кабаках я больше и не думал – мне стало не на что жить. Я питался, как мог. А когда появлялась малейшая возможность, я ее не терял и воровал еду и деньги.

– Четверка, – теперь на моем лбу полноценный квадрат. То, чего боится каждый свободный человек. – Это окно, через которое нужно смотреть в прошлое и обдумывать проступки и преступления. С этого момента человек теряет возможность обзавестись семьей. Таких людей продают частным собственникам для личного использования.

Наверное, у меня слишком мягкое сердце, но людей я бить не мог, будь они хоть восьмерками, хоть девятками. Из-за моей доброты начался бунт, из-за чего я и получил линию, пересекающую квадрат.

– Пятерка. Ты все еще пытаешься смотреть в окно, но перед глазами встала рама, которая закрывает вид. Ты видишь жизнь своего хозяина и должен обдумывать, чего лишился, чего бы мог добиться, будь у тебя свобода. Ты должен раскаиваться, и не в пятом промахе, а в первом.

Я убил одну восьмерку, когда тот напал на меня. И в пятом «промахе» я действительно раскаиваюсь, ведь убивать никого я не собирался. Это вышло случайно, а я как раз нес ответственность за жизни восьмерок и девяток.

– Шестерка. Теперь перед тобой встала решетка, ты больше не находишься рядом с хозяином. Твоя работа – восьмерки и девятки. Ты не просто их пересчитываешь, а убираешься у них и готовишь еду.

Это была еще одна попытка к бегству. Я хотел спрятаться от того убийства, не видеть восьмерок, не видеть девяток – лишь бы не вспоминать. Мои руки в чужой крови. Я не имел права отбирать чужую жизнь.

– Семерка. Решетка подчеркнута снизу. Теперь твоя работа такая же, как у восьмерок и девяток. Только условия проживания другие. Ты спал на кровати, питался остатками еды с общего стола. Тебе нужно было только вовремя вставать и приступать к работе – но ты не смог и этого.

Восьмерки и девятки меня ненавидели за убийство их товарища. Они не говорили со мной во время выполнения работ. А если говорил я – они игнорировали. От одиночества, от отчаяния я бежал снова.

– Восьмерка, – Бог улыбнулся, выставляя восьмое клеймо на моем лбу – верхнее подчеркивание квадрата, перекрещенного внутри. – Теперь ты должен был забыть о прошлой жизни. Все мысли должна была занимать работа. Ответственность тебя больше не беспокоила – она лежала на других. Живи себе и живи, только работай.

С мной все же начали считаться, и я объяснил, что вовсе не желал смерти их товарищу. Когда я сказал, что до сих пор меня грызет совесть, они даже сочувственно попытались меня приободрить. Я впервые чувствовал вкус плети, и они обучали меня. Даже рассказывали хитрости, как делать вид, что наработал больше, работая меньше. Но восьмеркой я был недолго. Обучение мне давалось с трудом, и в процессе работ я сломал около десятка хозяйственных инструментов.

– Девятка. Ты не имел права высказывать собственное мнение, даже говорить. Тебя нельзя было называть по имени. Впрочем, его никто и не знал. Восьмерки смотрели на тебя с уважением, а кто-то – с жалостью. Оставалось только держаться за последнее оставшееся право – право на жизнь. Тихо и смирно работать, стараясь привлекать как можно меньше внимания.

Ну, конечно, когда пьяная четверка где-то гуляет, оставляя дом открытым, я должен сидеть и ждать, когда же мне припишут еще косяк и убьют. Естественно, что я снова попытался освободиться, снова побежал, надеясь укрыться в лесу и прожить там остаток дней.

Бог отстегнул меня от стула. Тело само собой сгорбилось. С клейменного девятыю клеймами лба стекали теплые ручейки крови. Она попадала в глаза и стекала с их уголков подобно кровавым слезам.

– Добро пожаловать в загробные миры, девятка. Здесь всегда рады новым рабочим рукам. Пока у тебя еще есть время, ты можешь задать интересующие вопросы.

Я шмыгнул носом. Лоб жгло даже после первого клейма, а девять сразу – это кошмар, который не мог мне и присниться. Даже умерев, я не смог получить свободу. Значит, все зря. И жил я зря, и мучился зря. Остается только слиться с Нядом, стать примерным работником, чтобы не получить десятое клеймо. Впрочем, если души бессмертны, значит, мне не стоит его бояться?

– Души бессмертны только до тех пор, – сказал Бог, проходя к двери, – пока я этого желаю. Прощай, Девятка. Пора бы тебе уже отправиться домой. В Няд.

Глава 4

Сначала запретили курить, потом пить... Бог знает, наверно, еще надо бы перестать дышать, тогда, глядишь, буду жить вечно.

Джоан Харрис – «Шоколад»

Бог вышел. Дверь за ним тут же исчезла, оставляя меня наедине со стулом и девятым клеймом. Я пощупал стену, в которой минутой назад был выход – никакого намека на проход. Тогда внутри начала нарастать паника – может, ни в какой Няд я и не попаду, а буду сидеть вечность в этой комнатушке, сетя на жизнь.

Но дверь появилась. Не белая, ведущая к Богу, а темно-красная, большая. Знаю, куда она ведет. Отсюда, конечно, я выйду только в одно место – в Няд, где буду вечно страдать и работать. Поэтому я не слишком спешил уходить из комнаты. Насладиться последними минутами.

тами покоя – это счастье. Но в голову закралась неприятная мысль – дверь может исчезнуть, и я навсегда останусь здесь. Нет уж, лучше Няд.

Внутри, перегораживая проход, сидели ангел и черт, со скучающим видом перебрасываясь картами. Они кивнули в сторону открывшегося мира, и я неуверенно шагнул внутрь. Дверь за спиной шумно захлопнулась.

Здесь жарко. Настолько жарко, что от мертвый, казалось бы, сухой земли поднимается густой пар, закрывающий обзор. В небе висит огромное красное солнце.

Пытаясь что-нибудь разглядеть, я щурюсь и замечаю, что совсем не дышу. Я пытаюсь сделать вдох, но ничего не выходит. Здесь нет воздуха, мир кажется необитаемым. Меня охватывает паника. Я задыхаюсь.

Ангел и черт продолжают рубиться в карты, когда я вот-вот могу откинуть копыта. Второй раз подыхать не так страшно, но не хочется.

– По... могите... – просипел я, открывая рот подобно рыбе, выброшенной на берег.

Последний воздух покинул меня вместе с этими словами.

– Душа бессмертна, – напомнил ангел, кидая козырного туза.

Рука сама тянется к двери, когда я падаю на обжигающую каменную землю. Я жмуруюсь и выгибаюсь из-за резкой боли в спине. Позади меня стоит незнакомый черт с длинной плестью – скрученной тонкой спиралью железкой, утолщенной у основания. Удар рассекает спину. Балахон намокает от крови и пота.

– Хватит бездельничать, – говорит черт. – Почему ты не на работе?

Я не могу ответить. Открываю рот, но внутри нет воздуха, чтобы сказать слова. Черт внимательно смотрит на мое лицо, сжимает мокрые от пота волосы и жестко отдергивает голову назад.

– Девятка. Значит, ты новенький? Еще не научился говорить? – спрашивает он, смотря холодным взглядом в глаза. Так же смотрели и ангелы-сопровождающие.

Я киваю и снова жмуруюсь, когда он заносит руку с плетью для второго удара. Он приходится по лицу, задевает закрытый левый глаз и разбивает в кровь губы.

– Вставай, – велит черт, с легкостью поднимая меня за волосы.

Ноги ощупывают землю. Я ровно стою, но черт тянет волосы так, что мне ничего не остается, кроме как, наклонившись собакой, идти за ним. Я не вижу, куда меня ведут. Перед глазами только красная земля, покрытая густым слоем пара. Все еще пытаясь вдохнуть, я не запоминаю дорогу, не осмысливаю происходящее. Твердая земля обжигает босые ноги. Рука больно стягивает волосы, иногда дергая, грозя вырвать их. Я хватаю черта за руку, пытаясь разжать пальцы, за что снова получаю плетью по спине.

Черт толкает меня, и я снова падаю. Через горячий туман просвечивают тени, мельтешащие вокруг. Тени куда-то спешащих ног, полусогнутых и прямых, крепких и волочащихся.

– Значит, так, – черт стоит надо мной, глядя на беспомощно сжатое тело, все еще пытающееся дышать в безвоздушном мире. – Я – черт-надзиратель. Коротко расскажу о твоих правах и обязанностях. Сначала права. Ты имеешь право на получение пищи один раз в день, на двухчасовой сон в каждые сутки, на туалет два раза в день, на посещение своего внутреннего мира на месяц раз в году. Понял?

Я опираюсь на руки и поднимаюсь, но черт ставит на мою грудь ступню, задерживает на пару мгновений и силой пинает так, что я снова оказываюсь лежащим на спине. Надзиратель становится тенью и стремительно приближается, обретая четкие очертания.

– Обязанности, – продолжает, упирая руки в бока. – Беспрекословное подчинение всем вышестоящим начиная от восьмерок, заканчивая Богом. Ежедневная работа на обустройство в Ряде Вечного Счастья. Помощь жителям Няды, неправляющимся с обязанностями. Терпение побоев от каждого вышестоящего, кто захочет тебя ударить. Отсутствие собственного мнения, права выбора и принятия решений. Запомнил? При долгом и качественном соблюдении

нии обязанностей ты можешь получить снятие одного клейма и стать восьмеркой. Когда ты лишишься последнего клейма, когда твой лоб будет чистым, ты переселишься в Ряд и будешь испытывать Вечное Счастье. А теперь вставай!

Я осторожно встал, чувствуя в груди сжатость. Легкие склеены невозможностью дышать.

– Вперед, работать, – сказал черт.

Я пошел вперед, но в чем заключается работа – не знал. То приближаясь, то снова отдаляясь, в красноватом тумане мелькали силуэты. Один из них меня и выхватил, потянув за собой.

Человек шел ровно. Его докрасна обгорелая рука сжала мое запястье и не отпускала, пока мы не остановились у груды белых камней.

– Неси к двери в Ряд, – велел человек, клейменный трижды.

Я взял два камня и растерянно посмотрел по сторонам. Человек легонько хлопнул меня по плечу.

– Новенький, что ли? Ну, ты и перепуган. Пойдем, покажу, где дверь.

Мы шли через туман. Дорогу здесь запомнить невозможно.

– Запомнишь, когда пройдешь разочков эдак двадцать.

Я попытался ответить, но только глухо открыл рот.

– А ты забудь, что дышал когда-то, – объяснял тройка.

Я постарался, но не смог забыть. Чем сильнее я пытаюсь об этом не думать, тем больше легкие требуют воздуха.

– Сначала может казаться, что здесь совсем нет жизни. Но ты поймешь. Не девяткой поймешь, конечно, чего греха таить. Все девятки обычно как зомбированные. А знаешь, почему так?

Я мотнул головой.

– Потому что они не спят. Я тоже пришел девяткой. Два часа сна после примерно четырнадцати часов работы – ну, разве не сойдешь с ума? На то они и рассчитывают. Девятке никогда не стать восьмеркой, уж поверь мне. Хотя, бывают такие редкие случаи, типа меня. Но убрать клеймо может только Бог. А ему нет дела до нас.

Я снова открыл рот, но не издал звука.

– Да забудь ты уже, что когда-то дышал! Так никогда не заговоришь. Ты мертв, тебе не нужен воздух!

Это бессмысленно. Я не могу издать звук, не выпуская из легких воздух. Это просто невозможно.

– Клади сюда, – сказал тройка, кивая на груду камней.

Я положил и огляделся по сторонам. В тумане не видно двери в Ряд.

– Хватит глазеть, – сказал новый знакомый. – Дверь в Ряд слева. Тебя все равно туда никто не пустит, так что пошли еще камней наберем.

Я девять раз ходил туда-сюда, таская глыбы, пока не услышал голос черта-надзирателя в голове:

– Девяткам и восьмеркам пройти на раздачу пищи.

– О! – воскликнул тройка. – Пошли, провожу, а то так и будешь бродить. Ты встречался уже с девятками?

Я отрицательно мотнул головой.

– Вот и повстречашься. Увидишь, что тебя ждет. Так-то ты вроде мужик нормальный, но такой участи почти никто не избегал.

Тройка повел меня через горячий пар. Я все еще не понимал, как можно все ощущать, двигаться и быть материальным после смерти. Путешествие в системе распределения загробных миров – вот что в моем понимании смерть. Когда я стал бестелесным духом, когда не чувствовал прикосновений и вздрагивал от влажного мазка прохладной чернильной кистью по запястью. Сейчас чернила почти стерлись, осталось лишь блеклое непонятное растертое пятно.

Люди на раздаче пищи стоят в шахматном порядке, соблюдая одинаковую дистанцию и интервал. Вдоль рядов прохаживаются черти-надзиратели с длинными плетями. Восьмерки и девятки сгорблены, пошатываются взад-вперед, будто и правда засыпая. Взгляды душ устремлены к пальцам ног, если их вообще возможно разглядеть через горячий туман. Люди не переглядываются, не проявляют эмоции. Они – стадо, гонимое плетью. Каждый по очереди подходит к черту, медленно волоча ноги по каменной земле. Черт с кастрюлей и грудой блестящих тарелок наливает какую-то коричневую жидкость.

– Вот, что с тобой станет, – сказал тройка. – Иди в строй, пока не влетело.

Он исчез в тумане, а я встал среди душ, стараясь сохранить расстояние между рядов. Слишком уж тихо в этом строю. Все молчат, а единственные звуки – плеск непонятной жидкости в тарелках. Черти-надзиратели ступают босыми ногами беззвучно, почти паря над твердой землей. Поэтому я здорово перепугался, услышав голос за спиной.

– Глаза в землю! – громко проговорил черт на ухо.

Я вздрогнул и обернулся. Это вышло как-то само, необдуманно. И за это я поплатился ударом в спину, упал на горячую землю. В меня прилетала масса ударов, один за другим, с громкими требованиями подняться. Но под избиениями я скрючился на земле, закрывая локтями голову. Это могло продлиться вечность, но рядом из тумана возникла знакомая тройка. Он и остановил руку черта, занесенную для очередного удара.

– Хватит уже, – сказал он.

– Девятка нарушает режим, – сказал надзиратель, резким движением вырывая руку. – И ты тоже, тройка. Почему режим нарушаем, презренный?

– Режим я не нарушаю, – сказал тройка. – Я жду рабочие руки. Не буду же я сам таскать камни к Ряду? Не занятие это для троек,уважаемый.

– Бери те камни, что уже есть, – ответил черт.

Я осторожно поднялся. Удивительно, как быстро проходит боль. Наверное, это потому, что я все же мертв. И боль эта выдуманная, как и желание спать, есть и дышать.

– Мне нужно закончить строительство как можно быстрее. И не думаю, что архангел Сеир поблагодарит тебя, если я сильно задержусь из-за раненой девятки.

Я вздрогнул – черт тоже. Тройка победно улыбнулся и встал рядом со мной.

– Да уж. Ты не ведись на этих чертов. Надзиратели – самая низшая каста среди них, вот они и вымешивают злость на вас. Если в них вообще есть хоть какая-то злость. Поговаривают, что у них нет эмоций.

Я кивнул. Столько всего хотелось узнать у тройки, по-видимому, давненько проживающей здесь. Но каждый раз, открывая рот и пытаясь произнести хоть слово, я чувствую, как легкие склеиваются все сильнее. На что тройка смеется, бодро похлопывая меня по плечу.

– Научишься еще, поймешь потом. Меня, кстати, Аод зовут.

Какое старое имя. Оно было распространено лет пятьсот назад – так называли каждого второго в честь пропавшего в войне Идомея с Виелдаром царя. К слову, сам царь был из Идомея, и детей так называли именно там. Выходит, здесь не только жители Виелдара живут.

В первую очередь еду давали восьмеркам, что и не удивительно. Пока до меня дошла очередь, я устал стоять. Хорошо хоть черти меня больше не беспокоили. А когда я уже держал тарелку с непонятной жидкостью, мне не хотелось есть эту коричневатую жижу с непонятными желто-зелеными комочками. Спасибо за то, что без воздуха нет и запахов.

Большой деревянной ложкой я зачерпнул жижу и поднес к губам.

– Ешь быстрее, чтобы вкус не чувствовать, – говорил Аод. – А вообще, лучше не есть совсем. Хотя уже поздно, раз ты получил еду на руки.

Я запихнул огромную ложку в рот. Жижа с горьковатым привкусом слизью прилипала к верхнему небу и языку. Я поспешил это проглотить, но во рту оставалась нарастающая горечь вкуса желчи.

Меня стошило.

Я давно не ел вкусной пищи, но это уже перебор. Не могу даже представить, из чего (или кого?) готовят эту слизь.

– Вот, про это я и говорил, – Аод усмехнулся. – Пошли работать, а то время зря теряем.

Немногочисленные рвотные массы испарялись. Я снова почувствовал благодарность к Ньяду за отсутствие воздуха. Мне не приходится дышать рвотой, калом и мочой.

Ноги потихоньку привыкали к ходьбе по горячим камням, но вот окружающая жара давила со всех сторон. Серый балахон намок и отлипал от тела, легонько покалывая кожу. А ведь я практически не работал. Перетаскивать камни не так сложно для того, кто много лет был рабом.

Таская камни, я все еще пытался произнести хоть звук. Что угодно, хоть просто замычать. С каждой попыткой я чувствовал, как что-то сжимается в горле. Я пытался снова и снова, пока не посчитал это занятие бесполезным.

– Советую, – говорил Аод, идя рядом, – не работать на чертов. Приставай к обычным душам вроде меня с просьбами дать работу. Иначе будешь ходить вечно побитый и усталый. А так работать намного легче, да и веселее к тому же. Нам, старшим цифрам, тоже бывает скучно, вот мы и общаемся с такими, как ты. Хотя, если с тобой еще есть смысл разговаривать, с теми, кто здесь давно – уже нет. Они просто выполняют заданную работу и не думают. Разучились думать со временем.

Мне немножко стыдно, что Аод говорит как сам с собой. Но я уже и не пытаюсь отвечать. Просто киваю, иногда мотаю головой. Парень он разговорчивый, тараторит без умолку. В основном, о том, что я скоро привыкну, перестану взвешивать, что хорошо, а что плохо, прекращу думать и буду тупым орудием труда в руках черта. Слушать такое, конечно, неприятно. Да и не считаю я, что когда-нибудь стану как все. Но они разве так думали?

Я остановился с грудой горячих камней. Эта мысль теперь не даст мне покоя. Как бы я ни сопротивлялся, общество все равно возьмет верх. Я потеряю собственное мнение. К слову, черт-надзиратель говорил, что я даже права на это не имею. И как тут остаться собой, не стать частью огромной системы Ньяда?

Несмотря на запрет, мнение я все же имею. И вот оно: я в полном дерьме. И, видимо, останусь в нем до конца времен, если таковые наступят. Теперь мне не выкрутиться.

– Чего встал-то? – спросил Аод.

Я двинулся с места, уже интуитивно идя по маршруту в пятнадцатый раз. Кажется, я понял, как ориентируются местные жители в тумане. Это то же самое, что идти ночью по дому до туалета. Темно, ничего не видно, но ты и с закрытыми глазами можешь сказать, где и что стоит, и редко когда можешь врезаться в какой-то угол и сломать мизинец ноги.

– Сегодня был в Ряде, – говорил Аод. – Ну, нам, тройкам, туда ходить разрешается. Собственно, там мы и работаем, а живем здесь. Так вот, подслушал разговор одной девчонки с каким-то мужиком. Она говорила, что еще при жизни умела выходить из тела и становиться духом. Представляешь? Она выходила из тела, по сути, умирала по собственному желанию!

Перед глазами возник образ сестры. Именно благодаря ее рассказам после смерти я так быстро сориентировался и смог двигаться, не имея тела. Только с помощью желания, силой мысли. То было странное ощущение. Я не двигался сам, не прилагал каких-либо усилий. Просто думал. *Сильно* думал.

– Сестра, – сказал я.

Аод остановился. Его тело померкло и становилось прозрачным. Туман окружал его так, что казалось, будто Аод сам состоит из тумана.

– Как ты это сделал? – тихо спросил он.

– Что сделал? – ответил вопросом я, не понимая, чему тут удивляться.

Ведь он тоже говорит, значит, ему хорошо известно, как говорить, не пользуясь воздухом.

– Ты точно человек? – он отшагнул в туман, сливаясь с ним все сильнее.
– Что не так? – говорю я медленно, пробуя слова на вкус, стараясь запомнить ощущения.
– Ты не понял? Ты что, не специально? – Аод перестал становиться прозрачным и шагнул ко мне.
– Я? Специально, – сказал я, все еще не понимая, чего необычного в моих словах.
– Ты, кажется, не понял. Как это? – он трясясь, будто облитый ледяной водой посреди жаркого Ньяда. – Вообще я впервые встречаю такую душу. Именно душу, а не ангела или черта. Душу, которая говорит с закрытым ртом.

Глава 5

Мужество – это когда заранее знаешь, что ты проиграл, и все-таки берешься за дело и наперекор всему на свете идешь до конца. Побеждаешь очень редко, но иногда все-таки побеждаешь.

Харпер Ли – «Убить пересмеянника»

Я говорил с закрытым ртом. Значит, мой голос сейчас звучал в голове Аода подобно тому, как голос немого ангела-сопровождающего звучал во мне. Выронив камень, я приложил пальцы к губам, чтобы убедиться в этом.

– Серьезно? – спросил я, но рот действительно оставался закрытым.

У того ангела рот при разговоре открывался, и я поспешил рассказать об этом Аоду.

– Знаю его, – ответил он, кладя камень в мои руки, – он служит системе распределения уже сотни лет. Он когда-то и меня принимал. Бедняга, он как застрял на одной должности, так и не поднимается. Рот он открывает, чтобы чувствовать, как будто он говорит по-настоящему.

– Странный, – сказал я, продолжая путь к двери в Ряд.

Для разговора все еще приходилось концентрироваться.

– Странный тут только ты.

– Разве думать сильно – это странно? – спросил я, кладя камень в большую кучу.

Он скатился, собирая лавину из множества мелких камушков.

– Очень. Я здесь уже шестьсот тридцать девять лет... Ну, это по времени Ньяда. Если так будет привычней, по времени Алкеона прошло ровно пятьсот лет. Так вот, ты не первый такой. Слухи разные ходили, но лично я с такими душами не знаком. Ты вот что, – Аод развернулся ко мне всем телом. – Лучше молчи. Проблем потом не оберешься.

Аод взялся за ручку двери. Я замер – неужели ангел и черт его пропустят? Но те ничего не сказали, когда Аод вошел внутрь. Я хотел было пойти за ним, но ангел предостерегающе загородил собой проход.

– Ты-то куда собрался? Работай иди.

Я с замиранием сердца посмотрел в его равнодушное лицо. А если доложит? Расскажет кому-то вышестоящему, что я могу говорить в чужой голове?

– Время сна, – прозвучал в голове голос черта-надзирателя. – Желающие проходите к регистрационной стойке, регистрируйте свои часы.

Я не знал, куда нужно идти. Да и спать-то не особо хотелось. Поэтому я решил пройтись по Ньяду, стараясь никому не попадаться на глаза, и хорошенъко осмотреться. Ноги привыкали к горячим камням. Ступни, будучи и раны твердыми, за считанные часы огрубели совсем.

Меня задел человек. Он даже не обернулся, а продолжил идти. Я точно увидел на его лбу клеймо – девятка. Такой же, как я. Человек шел сгорбившись, руки висели вдоль тела, как плети. Полусогнутые ноги с трудом передвигались, иногда подворачивая пальцы.

Со спины в меня врезалась еще девятка. Женщина с огромными мышцами, бритая под ноль. С первого взгляда я и не понял, что передо мной именно женщина.

Когда вновь и вновь в меня врезались, я понял, что нахожусь в огромном потоке из девяток. И все они, вероятно, идут к регистрационной стойке. Зарегистрировать сон.

Я отошел в сторону и увидел силуэты, просачивающиеся в тумане. Горбатые, усталые. Они идут потоком, медленным течением. Иногда плеть надзирателя силой разделяет пространство, издавая свистящий звук. Криков за этим не следует. Огромное стадо людей движется в одном направлении, гонимое пастухом.

Ком подступил к горлу. Пустой желудок выворачивало, но позывы к рвоте оставались только пустыми позывами. Я поспешил убраться отсюда, от этих безмозглых душ, зомбированных отсутствием сна.

Сколько часов продолжался путь, я не знал. Но закончился он у двери. Красная дверь, вероятно, та самая, через которую я и пришел в Ньянд. Подле нее все так же играли в карты ангел и черт. Но в этот раз другие. Я узнал их. Они, вероятно, тоже, но сделали вид, что не заметили меня.

– Что вы тут делаете? – спросил я, усаживаясь подле своих хранителя с искусителем.

Они не ответили. Черт мягко посмотрел на меня, но взгляд тут же охладел и вернулся к картам. Ангел и вовсе как будто меня не слышал.

Должно быть, эти двое обижены. Вероятно, это и есть то самое понижение в должности. Из веселой жизни во внутреннем мире человека, из наблюдений за его судьбой и придумывания оригинальных и интересных способов спасти подопечного они стали теми, кого я их вижу. Обычными защитниками врат, играющими в карты.

– Привратниками, – холодно сказал ангел, так и не взглянув на меня.

Я вздрогнул, не ожидая, что мои мысли снова читают.

– Что это значит? Это навсегда?

– Это значит, – отвечал черт, – что мы должны стеречь выход из Ньянда.

Конечно, я это и сам понимал. Интересовало другое. Сколько длится их рабочий день? Как часто приходит смена? И вообще, о природе ангелов и чертей хотелось бы расспросить подробнее.

– Нельзя такое спрашивать, – сказал ангел. – А нам нельзя отвечать. Бог может решить, – хранитель строго посмотрел на меня, – будто бы ты собрался сбежать.

Холодный взгляд ангела не отпускал меня. Он будто гипнотизировал, смотрел не в глаза, а в душу. Да, эти двое знают обо мне все. Они знают меня даже лучше, чем я сам. Они знают. Поэтому и предупредили.

– У меня и в мыслях не было сбегать отсюда, – соврал я.

Хранитель перестал смотреть на меня. Он оценивал взглядом то кинутую чертом крестовую девятку, то шесть карт в своей руке. Я заглянул в его карты, но тот быстро прижал их к груди.

– Не подсказывай ему, – сказал хранитель.

– Я и не собирался.

– Ты громко думаешь, – напомнил черт.

Я со вздохом опустил голову. Как у них все сложно – если я посмотрю в карты одного, другой тут же узнает их состав. Наверное, я правда громко и сильно думаю. Как я понял, это здесь большой минус.

– Минус не для тебя, – сказал черт мягким голосом, подкидывая десятку в ответ на ход ангела. – Минус для остальных.

– Не для меня? То, что окружающие читают мои мысли, создает проблемы не мне?

– Именно, – сказал хранитель. – Мы молчим. Не разговаривай с нами.

– И не только с нами, – добавил черт.

Это прозвучало обидно. Но, думаю, еще обиднее сидеть здесь после того, как добился звания хранителя или искусителя. И в этом виноват я. Их нежелание говорить со мной легко объяснимо. Это простая обида. Или все-таки предостережение?

Синхронно, не сговариваясь, ангел и черт разом кивнули. Холодок пробежал по горячemu телу. Предостережение. Но от чего? Я поднялся, надеясь больше не причинять дискомфорта ангелу и черту. Им уже досталось из-за меня. Я найду ответы на вопросы сам. Только для начала нужно сориентироваться, где и что находится, кто занимает какую должность.

Я обошел дверь. Если предположения верны, там мне бывать не приходилось. Спиной я чувствовал взгляды. Хранитель и искуситель продолжали наблюдать за мной даже теперь. Не сдерживаясь, я обернулся. Через горячий туман не видно двери. Не видно совсем ничего и никого, ни одного звука, кроме отдаленного шелеста карт. Неужели я отхожу от цивилизации?

Из-за чувства абсолютного одиночества становится страшновато. Никогда я не был один, даже при жизни меня сопровождали ангел и черт. А теперь я мелкая девятка посреди горячего пустынного Ньяда.

Все еще девятка.

В следующий раз, когда увижу Аода, нужно расспросить, каким образом он поднялся аж до тройки. Если он раньше был похож на то стадо, гонимое плетью надзирателя, то это невероятная сила. Сомневаюсь, что у тех бедолаг остался разум. Скорее всего, его либо отшибли плетью, либо уничтожили отсутствием сна.

Шелест карт остался позади, как и ощущение пристального взгляда на затылке. Никто не встречается по дороге, ни одной тени, ни одной двери. Даже груд камней и чертей нет. Но какое-то внутреннее чувство тревоги все же есть. Оно медленно нарастает, подобно снежному кому, становясь все больше и больше. Достигает оно пика, когда сквозь туман просвечивает нечто огромное. Ноги трясутся, я стою на месте. Не понимаю, чем вызван страх. Здесь все незнакомо, каждый уголок, но иные тени меня не пугали. А эта еще как пугает.

Тело застыло на месте, ноги отказываются слушать команды. Хочется подойти ближе и рассмотреть. Неужели здесь есть постройки? Через туман не могу сказать, что это – гора или здание, но все же склоняюсь ко второму. Не может быть гора такой пропорциональной.

Позади я услышал шелест. Медленно повернув голову, я увидел, что кто-то стремительно приближается ко мне. Черная тень. Вероятно, черт. Что, если мне нельзя здесь находиться? Мне влетит.

Обретя новый страх, я перехожу на бег. Здание приближается, контуры очерчиваются. И теперь я точно уверен, что это не гора. Это огромный дворец, окруженный высокой стеной. По мере приближения к огромным вратам проявляются цвета. Преимущественно серые, местами черные. Вход никто не охранял, но я не мог войти внутрь. Я даже не пытался открыть дверь – страх сковал тело. Пот щекотно стекал по щекам, руки, крепко стиснутые в кулаки, тряслась. Кто-то дернул меня за плечи, и я полетел назад. Упал на пятую точку, все еще не находя сил обернуться.

– Бегом назад! – произнес голос моего хранителя.

Ангел взял меня за подмышку, поставил на ноги и потянул за собой. Он бежал, а я спотыкался позади. Белый капюшон натянут до подбородка, шаг широкий, рука ледяная. Я с ужасом увидел, что мое тело становится прозрачным. Через меня просвечивает земля.

Мы быстро достигли двери, у которой нервно расхаживал мой черт-искуситель. Он остановился передо мной. Мягкие черты лица будто ветром сдуло. Суровый, разгневанный вид, твердый взгляд в глаза.

– Ты чтотворишь?! – спросил он, уперев руки в бока.

Я хотел быстро ретироваться, но ангел крепко сжал мою руку, давая напарнику отчитываться меня.

– В то местоходить нельзя, ни под каким предлогом!

– Почему? – спросил я, все еще удивленный переменой в настроении черта.

– Я не могу ответить. Нельзя, просто нельзя, запомни. Ты же не хочешь стать десяткой? Я промолчал. Стать десяткой, в моем понимании – умереть окончательно.

— Даже если ты думаешь, что тебя никто не заметит... — ангел отпустил мою руку. — Возможно, так оно и будет, но не подставляй хотя бы нас. Каждый раз бегать за тобой, когда мы больше не приставлены к тебе — извини, но мы даже права на это не имеем, не то, что обязанности.

Я продолжал молчать, не зная, что можно на это ответить. Я действительно мог поставить их в затруднительное положение. Хранителю пришлось покинуть свой пост, чтобы уберечь меня от опасности. Этого, вроде, никто и не заметил. А если бы заметил? И вообще, если Бог все видит, неужели он и так не знает, куда я ходил?

— Не думай об этом, — в голос черта вернулась прежняя мягкость. — Просто не ходи туда дальше. Иди, работай, может, повезет, станешь восьмеркой. Здесь не любят тех, кто отлынивает.

Я собрался было пойти от двери, но в последний момент остановился и обернулся.

— А как вас зовут?

Ангел и черт переглянулись, помолчали какое-то время.

— У нас нет имен, — холодно ответил ангел. — Просто привратники.

Я немного помолчал, думая, что еще можно спросить у бывших хранителя с искусителем, но не придумал вопроса и пошел работать, не попрощавшись.

Работу искать не приходилось. Стоило наткнуться на черта, как я получил плетьью по спине. И приказ — идти мыть посуду. Сначала я обрадовался, решив, что это не такая уж и работа. Но стоило мне увидеть гору посуды и то, в чем необходимо ее мыть, мои иллюзии распались.

Горячий пар сильным напором бил из глубокой дыры в земле. Воды в жидкком виде в Ньяде нет. Не используя посторонние предметы, я брал тарелку, вымазанную слизью, подносил под пар и тер. Руки обжигались до боли, в один момент мне даже показалось, что появился ожог. Но ничего подобного не произошло, ведь даже самые глубокие раны здесь заживали почти моментально. Но когда руки находятся под напором пара, еще и сжимают горячий металл, как-то не думаешь о том, что кожа быстро восстановится.

Еще и черт стоит над душой, сложив руки на груди. Он читает мои мысли — я догадываюсь об этом. Но все равно начинаю удлинять перерывы между одной тарелкой и другой, наслаждаясь моментами, когда пар не бьет по рукам. Черт это замечает, и я все же получаю плетьью по рукам.

Кровь вместе с паром начинает подниматься, и я быстро намываю очередную тарелку, чтобы избавиться от боли. Черту не нравится и это — он снова меня ударяет.

Когда гора посуды была вымыта, а руки раскраснелись, как огромное солнце, уныло нависшее над Нядом, черт потащил меня работать дальше. В этот раз мне крупно повезло — он поставил меня красить дверь в Ряд. Постоял рядом, затем, видимо, я ему надоел, и он ушел по своим делам. И когда я закончил работу, я больше не хотел ничего делать.

— Аод в Ряде или в Няде? — спросил я у привратников.

— Скоро придет из Ряда, — ответил черт, доставая черную бутылку из-под балахона.

Я с удивлением наблюдал, как черт пьет жидкость, предположительно вино, затем передает бутылку ангелу, и тот повторяет его действия, утирая рот рукавом.

— Разве вам можно пить? — спросил я, больше удивленный тому, что пил ангел. Черту я не слишком удивился.

— Можно, — отвечал черт. — Только вино достать трудно. Разве что благодаря таким, как Аод.

— А что, он вас вином подкупает? — неосторожно спросил я.

— Ну, можно сказать и так. Естественно, с тобой так не получится. В Ряд мы тебя не пустим.

— Да я просто спросил, — разочарованно пробубнил я.

– Он же работает в Ряде. Сказал, что задержится там, вот и принес бутылку.

Эти привратники отличаются от тех ангелов и чертов, которых я видел прежде. Какие-то они разговорчивые. Еще и пьют к тому же.

– Ты тоже отличаешься от тех душ, которые мы встречали ранее, – сказал ангел. – Так ничего, мы же молчим. Думаю, ты тоже никому ничего не расскажешь, верно?

И действительно, меня ведь предупреждали, что не стоит разговаривать, учитывая, что я делаю это с закрытым ртом.

– Договорились, – вынужденно согласился я.

Интересно, может, они и на другие мои вопросы ответят?

– Только на те, на которые мы имеем право отвечать, – предупредил черт.

Я грустно опустил голову. Конечно же, если другие привратники не могли ответить, то и эти будут молчать.

Я уселся рядом с дверью и наблюдал за привратниками. Они молчали, стоя смирно, как будто бы глядя в одну точку. Лица равнодушные, холодные, пустые. Интересно, не скучно ли им вот так все время стоять? Я хоть работаю – какое-то разнообразие. А работа этих однотипна. Следить, чтоб такие, как я, не входили в Ряд, следить, чтоб такие, как Аод, возвращались вовремя.

– Не скучно, – сказал ангел. – Нам не бывает скучно. Мы не люди.

И действительно. Не люди. Ангел и черт. Разве можно назвать людьми тех, кто даже не жил человеческой жизнью? Нет. Они не люди, они – сущности, созданные Богом. Тем самым странным Богом низкого роста, который лежит сутками в постели и жрет виноград.

– Осторожнее с мыслями, – сказал ангел. – Он может их услышать.

Меня передернуло. Находясь в Ньяде, я ни разу не вспомнил, что Бог всемогущ. Но разве может быть что-то хуже моего нынешнего положения? Только полное уничтожение души. Хотя и это можно оспорить. Если действительно меня ждет будущее тех девяток, которых я видел раньше – уж лучше смерть.

– Нет, он не убьет тебя сразу, – черт приблизился к моему уху и говорил шепотом, будто боясь, что Бог услышит. Но я знаю, что Бог и без этого слышит все. – Он любит наблюдать за такими душами, как ты.

– Поэтому тебе стоит вести себя осторожнее, – сказал Аод, выходя из Ряда.

– Что значит «осторожнее»? Что плохого в том, что я мыслю сильно?

Все трое замолчали. Ангел и черт смотрели друг на друга, Аод стоял, одной ногой находясь еще в Ряде, а я пытался разглядеть мир Вечного Счастья за его спиной. По крайней мере, я увидел, что тумана там точно нет.

– Потому что Бог боится конкурентов.

Глава 6

Во всем есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно.

Федор Достоевский – «Преступление и наказание»

– Что значит «боится конкурентов»? – спрашивал я Аода, когда мы отошли от двери.

– Не спрашивай, мне не нужны проблемы. Ты чересчур любопытный для простой девятки. Поэтому тебя и не любят. Так и будешь получать от чертов надзирателей, пока не присмиреешь.

Я преградил Аоду путь, встав перед ним и уперев руки в бока.

– А ты как это сделал? Ты упоминал, что пришел сюда девяткой. Ты не стал овощем. Ты сохранил разум, ты стал тройкой и теперь спокойно выходишь в Ряд. В чем секрет?

Аод, слегка улыбнувшись, наклонил голову так, что взгляд получился из-под бровей.

– Секрет в покорности. Ты можешь не усмирять разум, но ты должен подчиняться. Ты должен страдать. Чем дольше, чем сильнее ты страдаешь, тем больше это нравится Богу.

Значит, глаза меня не подвели! И Бог действительно не тот, кем я его считал при жизни. Я представлял доброго дядечку с седой бородой, который сидит на облаке и смотрит на меня сверху. А он – маленький человек. Встреть я такого в жизни – ни за что бы не подумал, что передо мной стоит сам Бог.

Аод меня обошел и продолжил идти, а я шел рядом, желая побольше разузнать об этих загробных мирах.

– Недавно я ходил за дверь, через которую пришел в Ньянд. Туда, я так понял, никто не ходит, меня быстро развернули. Что там такое?

– Не знаю, – ответил тройка. – Я там ни разу не был, да и что там ловить?

– Давай сходим вместе? – в надежде, что я не единственный человек с головой на плечах, спросил я. – Тебе разве не интересно?

– Ну, как сказать...

– Нам ничего за это не будет! Тебя могут понизить на одну ступень, станешь четверкой, но согласись, зато ты будешь теперь обладать знанием, доступным только ангелам и чертам!

– А ты готов погибнуть ради знания? – лукавым голосом спросил Аод.

– Нет. Но если я туда не схожу, меня это будет терзать. Я буду постоянно об этом думать, строить догадки – что же там, дальше двери? Может, там такой же Ньянд, только жители говорят на другом языке? А может, там живут ангелы и черти?

– Ангелы живут в Ръяде, – задумчиво сказал Аод.

– Да не важно. Разве тебе не интересно? Ты никогда об этом не задумывался? Ты столько лет уже живешь в этом тумане, ты видишь каждый день одно и то же. Уж не знаю, что ты видишь в Ръяде, но того, что находится дальше двери, ты точно не видел никогда прежде. Ну, просто потому что тебя там не было.

– Я не готов рисковать, пойми. Я жду повышения до двойки, я хочу поскорее уйти отсюда. Из-за твоего любопытства мне могут вернуть четвертое клеймо. И тогда уж вряд ли меня снова повысят до тройки, разве что лет эдак через сотню.

– Неправильно ты мыслишь, – сказал я. – С этого момента ты будешь думать, что же там такое. Если ты пойдешь со мной, еще не факт, что нас поймают. Может, мы успеем вернуться, пока черти нас не хватятся. Сам же в Ръяде задерживался, не побоялся же?

– Но и ты пойми. У нас строгий запрет на хождение туда. Я тебе больше скажу... – теперь Аод становился прозрачным. Видно, его пугали мысли о походе в запретное место. – Не только нам, даже ангелам и чертям запрещеноходить туда.

– Как запрещено? – удивился я, вспоминая, что все же мой хранитель бывал там. Видимо, он готов нарушать запреты ради моего спасения.

– Вот так, запрещено. Мне привратники рассказали. Кстати, общайся с ними побольше. В отличие от надзирателей, они адекватные, спокойно идут на контакт и на компромиссы.

– А надзиратели чего? Только плетками своими и думают?

– Вроде того. Хотя нет, не плетками. Они совсем не думают. Тупые машины, созданные Богом для наведения порядка. Такие же, как и девятки. Не в обиду.

Я киваю.

– Ну, что, пойдем? – я не терял надежды.

– Я уже говорил, это опасно и может закончиться непредсказуемо.

– Значит, ты все же со мной?

Его тонкие губы искривляются.

– Естественно.

Отлично. Теперь у меня есть сообщник. Есть тот, кого не было во время моих побегов в Алкеоне.

– Тогда смотри. Нужно как-то пройти незаметно, чтобы нас не увидели привратники. В прошлый раз, когда я ходил, я увидел какой-то то ли замок, то ли дворец. Привратный ангел меня догнал и вернулся.

– Да ну? Ангел ходил туда? Они боятся того, что находится дальше Ньяда, – голос Аода немного дрожал. То ли это предвкушение, то ли страх – не знаю.

– Видимо, я им дороже.

Аод ухмыльнулся.

– С чего бы это?

– Ангел и черт на тех дверях были моими хранителем и искусителем. Из-за меня их понизили.

– Вот оно что! Ну, да, бывает такое. Правда, очень редко. Вот что, девятка, мы можем пройти, когда у них будет пересменка.

– Меня зовут Ниортан.

– У девяток вообще-то нет имен, – изdevательским тоном ответил Аод. – Ну, ладно, Ниортан, значит Ниортан.

Так, пытаясь отвлечься от страха пустой болтовней, мы просиживали до тех пор, пока голос надзирателя в головах не позвал кушать. Голод я, конечно, ощущал, но воспоминания о вкусе местной пищи вызывали тошноту. Кстати, Аод предупредил, что и спать нужно как можно меньше. Разрешено не больше двух часов в сутки, однако если не поспать двое суток, на третью уже можно спать целых шесть часов! А что такое сутки в Ньяде? Всего-то шестнадцать часов. А двое – тридцать два.

По опустевшему Ньяду мы пробрались на самый край. Если это можно назвать краем – безлюдная туманная местность, где в это время точно никого не бывает. Ну, по крайней мере, со слов Аода. И оттуда мы уже тихонько, но быстро пошли в сторону дворца. Я всю дорогу молчал. Аод сказал, что я могу выдать нас тем, что слишком громко думаю.

Пробираясь все дальше, я почувствовал, что каждый шаг дается все труднее. Тело сковывает страх. В прошлый раз я тоже его испытал, но тогда я был один и ощущал пристальный взгляд на затылке. Идти становится все сложнее, ноги как будто увязли в огромном мягкому сугробе.

– Давай вернемся, – предложил я Аоду.

– Струсил? Идем дальше.

Я ускорил шаг, пытаясь доказать делом, что не трушу. Послышался нервный смешок Аода за спиной. Смешок, больше похожий на икоту. Тяжелый, глухой. Да он и сам напуган не меньше меня. Только он умеет это скрывать.

Через толстый слой тумана виднеется мрачное подобие дворца, окруженное толстой стеной. Шаг замедляется. Дворец становится больше и вскоре нависает над нами, закрывая красное солнце черными башнями.

Я пошел вдоль стены, пытаясь сориентироваться по памяти. Где-то должна быть дверь. Дверь без стражи, без ангелов и чертей. Возможно, там живет Бог, кто знает. Хотя все же он, наверное, предпочитает Ряд. И его можно понять. Когда есть выбор – всегда выбираешь лучшее.

Мы остановились перед дверью. Но вот беда – тело настолько скованно, что я не могу поднять руки. Точно так же, как и в прошлый раз. Но тогда рядом был хранитель, который выдернул меня из оцепенения.

Аод стоит справа, совсем прозрачный от страха. Кажется, он вот-вот исчезнет. Должно быть, я выгляжу так же. Но Аод первый справляется с собой. Он толкает дверь – та легко поддается и открывает щель. Оттуда дует ледяной ветер. Я оступаюсь и чувствую, как легкие раскрываются. Ледяной воздух выходит изо рта с тихим вздохом.

– Воздух, – шепчет Аод, открывая дверь шире.

Во дворе нет тумана – с непривычки у меня слезятся глаза. Мы смотрим с Аодом друг на друга, безмолвно решая, кто войдет первым. Я снова заглядываю внутрь, но уже вижу спину Аода. Он еще прозрачный, его немного поколачивает от мороза. Он делает более уверенный шаг, и мне удается протиснуться из-за его спины. Я снова чувствую жизнь. Для этого хватило только наличия воздуха. Я делаю глубокий вдох и чувствую, как тело им наполняется. Серая земля под ногами морозит ступни, так что мне приходится переминаться с ноги на ногу, как я делал, только ступив Няд.

Но страх продолжает побеждать. Страх непонятный, неизвестный. Чем-то даже похожий на трепет, он трясет тело перед мрачным дворцом с огромными воротами.

– Надо войти внутрь, – говорю я вслух, открывая рот.

Аод вздрагивает, он все еще немного прозрачный.

– Надо. Знаешь, у тебя немного другой голос, когда ты говоришь вслух.

– Какой?

– Писклявый.

Меня это веселит. Конечно же, Аод шутит, чтобы развеять обстановку. У меня не писклявый голос. По крайней мере, он мне таким не кажется.

Теперь я иду первым, приближаясь к входу. Вокруг привычный звук Алкеона – вой ветра. Ледяного ветра, пронизывающего до костей. А внутри дворца – тишина. Тихие стены, покрашенные красной краской. Под цвет Нядя, наверное. На полу – длинные красные ковры, накинутые концами друг на друга. Чувство полной безжизненности и ужасающего покоя. Мы тихо идем, не сговариваясь о дальнейшем маршруте. Я наслаждаюсь воздухом. Когда мне вновь предстоит его вдохнуть?

Коридор сменяется длинными широкими ступенями. Светло, хотя источника света не видно. Он как будто бы исходит от ярко-оранжевого гладкого потолка, высоко нависшего над нами. Кажется, дворец необитаем. А если обитаем, хозяин не знает о нашем приходе. Иначе нас бы здесь уже не было – так медленно мы движемся по ступеням.

На втором этаже множество дверей. На мгновение в голове возникает мысль, что эти двери ведут в другие миры. Но все проясняется, стоит мне заглянуть за одну из них и увидеть жилую комнату. Кровать с огромными красными балдахинами, обшитыми золотыми нитями, стоит в центре. Постель расправлена, будто бы хозяин едва встал. На тумбочке лежит раскрытая книга корешком вверх. Язык мне непонятен – два изящных символа на обложке написаны от руки.

– Еще теплая, – сказал Аод, касаясь рукой кровати.

Я перевернул книгу. Аод через мое плечо тоже заглянул в нее. Белые пустые странички – вот и все, что содержит в себе находка. Я пролистал несколько страниц – ничего. Но она выглядит так, будто ее читали. Корешок изрядно потрепан, листы пахнут старой бумагой. Так пахнет в некоторых библиотеках.

– Ничего интересного, пойдем отсюда, – сказал полупрозрачный Аод.

– Согласен, – ответил я, но все же сунул книгу за пазуху.

Стоило повернуться к двери, как она открылась. От страха сковало дыхание.

Перед нами в черном домашнем халате и тапочках стоял мужчина. Его короткие черные волосы небрежно разбросаны на мокрой голове. Бородка слишком аккуратная – видно, он едва ее уложил.

Рука Аода крепко стиснула мое запястье.

Рот незнакомца скривился, подтягивая к губам тонюсенькую полоску усов. На глазах его одежда сменилась, и вот он в черном плаще и тяжелых сапогах до колен, украшенных множеством металлических заклепок и висюлок.

Аод потянул меня к тонкому окну. Я едва не упал от неожиданности. Незнакомец твердым уверенным шагом надвигался на нас. Аод бежал, я спотыкался, но мужик становился все ближе, а окно – нет.

И вот мы пойманы за руки. Тонкие пальцы в белых перчатках сомкнулись на наших запястьях. Вырывать руку бесполезно. Хватка каменная и грубая – кровь не поступает к моим ладоням.

– Кто такие? – спросил незнакомец басом, обдувая мое лицо мятым свежестью изо рта.

Кустистые черные брови нависли над глазами, отмеченными по бокам глубокими морщинами.

– Это ошибка, – услышал я мягкий голос за спиной.

Душа ликовала, когда я увидел своих искусителя с хранителем.

– Как вы посмели? – этот вопрос уже адресован им.

– Мы только шли по следу, чтобы наказать и вернуть нарушителей, – оправдывался ангел.

– Ложь.

– О да!

Я в изумлении раскрыл глаза, глядя на то, как мой черт-искуситель пал ниц перед мужиком. Запястья освободились – теперь мы с Аодом выглядывали из-за плеч этого... неужели Дьявола?

– Великий Гортей! Пощади! – продолжал молить черт.

Аод вздрогнул и отступил на шаг назад – я заметил это боковым зрением.

Одной рукой этот Гортей поднял моего искусителя. Босые ноги мотылялись в нескольких сантиметрах от пола.

– Пощадить? Тебя или этих? – Гортей указал пальцем на нас.

Черт не сопротивляется, не пытается разжать хватку на черном балахоне. Руки брезвально висят вдоль тела.

– Всех, – ответил искуситель, выдерживая взгляд Гортея.

Я шагнул было навстречу, но почувствовал крепкую хватку на правом плече. Это мой ангел-хранитель меня сдерживает, не позволяя подойти к черту.

– Что происходит?.. – шепотом спросил я ангела.

– Тс-с, – ответил он, продолжая глязеть на коллегу.

Он не пытается помочь – просто наблюдает.

– Что здесь делают тройка и девятка? – спрашивает Гортей хриплым басом. – Как они додумались сюда прийти? Почему девятка не лишен воли?

– Я не надзиратель, – ответил черт. – Я привратник. Не по моей вине у девятки остались мысли и воля.

– Ты обязан следить за пересечением границы, – Гортей поставил черта на ноги.

– Я кинулся за ними, как только почуял неладное.

– Кто сейчас на вратах? – Гортей посмотрел через плечо на ангела, который все еще держался за меня.

Мой хранитель не ответил.

– Никого, – тихо проговорил Гортей. – Никого нет на вратах! – крикнул он.

Я почувствовал, как ангел содрогнулся.

– Гортей... – начал было он.

– Молчать! – Гортей оторвал руку ангела от моего плеча и резко дернул на себя. – Я поговорю с Сеиром о твоей судьбе.

Где-то я уже слышал это имя.

Гортей смотрел на бледного ангела сверху вниз. Да, ангел бледен, но других признаков страха не показывает.

– Я понял. Мы можем забирать души и уходить? – спросил бывший хранитель.

Гортей помедлил с ответом. Он еще раз посмотрел на нас, затем на черта.

– Тебе назначу исправительные работы. Подойдешь ко мне в течение часа. Можете убиваться.

Хозяин замка прошел между мной и Аодом и остановился у окна.

– Идем, – строго сказал нам черт.

Впервые я услышал подобный тон от искусителя.

Мы пошли по дворцу следом за привратниками. Они идут ровно, будто бы и не пережили ужасный стресс минуту назад. Мы с Аодом несколько позади, видим их спины.

– Кто это был? – тихо спросил я, когда мы вышли на холодную улицу.

– Демон, – ответил Аод, и голос его дрогнул.

Ангел и черт продолжали молчать, пока мы не пересекли стену и не оказались в жарком тумане Ньяда. Легкие склеились.

Как только мы вышли за дверь, привратники преградили нам путь, уперев руки в бока. Оба бледные, видно, еще напуганы прошедшим разговором.

– Вы что творите?! – прикрикнул ангел.

– Смерти моей желаете?! – спросил черт.

Оба смотрели на меня, будто не замечая Аода.

– Однажды я тебя уже развернул отсюда, – спокойнее продолжал хранитель. – Неужели с первого раза было не ясно, что здесь опасно находиться? Зачем ты лезешь в огонь?

– Мне стало любопытно, – оправдывался я, пряча взгляд, как ребенок, отчитываемый отцом.

– Забудь про любопытство, пока ты в Ньяде! – ругался черт. – Гортей никогда не щадит дважды. Просто запомни и сиди тихо! Почему ты не можешь быть как все? Тихо работать, притворяясь, что лишился воли? Ну, а ты? – искуситель переметнул взгляд на Аода. – Ты-то куда поперся? Столько лет уже здесь живешь и не знаешь прописных истин? Что за границу нельзя ходить!

– Мы бы потом жалели, – ответил Аод.

– Да какого черта... – начал ангел, ловя на себе взгляд коллеги.

– Напомню, что врата еще пустуют, – перебил его Аод.

Ангел тихо фыркнул и пошел к рабочему месту. Черт рядом, привычно находясь слева от него. Мы с Аодом медленно тащились позади, понурив головы.

– Работать, оба, – сказал черт, когда мы достигли дверей. – Видеть вас больше не хочу, – последняя фраза была адресована мне.

Мы поволочились по горячей земле в центр Ньяда. Я молчал. Стыд и совесть обрушились на мою голову, ведь я подставил хранителя и искусителя уже во второй раз. Снова подставил тех, кто меня оберегал от всего. И тех, кто продолжает оберегать после смерти.

– Ты чего так за грудь держишься? – отвлек меня Аод. – Не притворяйся, в Ньяде не может болеть сердце.

Я огляделся – рядом вроде бы никого, кроме снующих горбатых теней девяток. Просунув руку через свободный ворот серого балахона, я вынул книгу с непонятными знаками на корешке и пустыми страницами. Книгу демона.

Глава 7

В положении умирающего есть свои преимущества. Когда нечего терять – не боишься риска.

Рэй Бредбери – «451° по Фаренгейту»

Аод уставился на книгу, будто видел впервые.

– Ты что наделал... – едва слышно проговорил он, проводя пальцами по символам.

– Я не знал, что это книга демона. Да и в конце-то концов, как-то он ее читал, значит, там все же есть содержимое.

Аод отступил на шаг, огляделся по сторонам, развернулся и ушел в туман. Я остался стоять с книгой посреди Ньяда, совершенно один.

– Аод! – позвал я.

Никто не откликнулся.

Должен быть способ докричаться до него. Ведь как-то же надзиратели зовут кушать весь Ньянд разом? Я так же говорю без голоса, я так же говорю в чужих головах. Так почему бы и мне не попробовать? В самом деле, чем я хуже чертей?

– Аод! – настойчивее позвал я.

– Я работать, чего орешь? – раздался голос из тумана.

– Я думал, ты меня предал, – честно сознался я, идя на голос.

– Не ходи за мной с этой книгой.

Я послушно остановился и убрал книгу обратно под балахон. Интересно, как скоро Гор-тей заметит пропажу? Может, он уже отправил полчище чертей на наши поиски.

– Будь это так, – услышал я знакомый мягкий голос, – тебя бы уже поймали.

– Ты чего тут? – я повернулся к искусителю.

В руке он держал плеть, какими обычно орудуют надзиратели, наводя порядки в Ньяде.

– На исправительных работах. Временно исполняю обязанности надзирателя.

– Грязное дело, – сказал я, но тут же опомнился: передо мной все же надзиратель, а не искуситель. Надзиратель, который знает об украденной книге.

– Не нервничай, – сказал черт, подходя ближе. – Я не одобряю твоих поступков, но сейчас ты нуждаешься в помощи. Нуждаешься, как никогда раньше.

– И какую помочь ты можешь мне предложить, черт? – скептически спросил я. – Мы как на ладони. Бог знает о каждом моем шаге. А демон?

– Богу до тебя нет дела. У него работы хватает, чтобы не обращать внимания на всяких взбунтовавшихся девяток. Усмирение таких, как ты – работа надзирателей и смотрителей. Но, к счастью, у тебя есть союзники.

– Ты и Аод? – я сжал книгу под балахоном.

– И в Ръяде тоже. Твой хранитель уже ждет тебя там.

– Что… В Ръяде?

Мягкая улыбка осветила лицо черта.

– Да, – сказал он, – в Ръяде.

– Как я туда попаду?

Мы двинулись вперед. Шли долго, я уже начал подозревать, что снова нахожусь за границей. Черт молчал, не отвечая на мои мысли и не раскрывая ответа на главный вопрос – как я попаду в Ръяд.

Огромное красное солнце садилось, подсвечивая туман. По обе стороны от нас лежали огромные бетонные плиты, наваленные друг на друга. Виднелись и очертания полуразрушенных домов. Иногда мимо проскальзывали редкие черные силуэты черте .

– Не думал, что в Ньянде есть города, – сказал я.

– Тс-с, – ответил черт и скользнул в дом, где некогда была дверь, а сейчас на ее месте оставался лишь темный полуразрушенный проход.

Дом жилой, но его хозяин не ночевал здесь пару десятков лет, если не больше. Темно, кровать перевернута. Одна дверца шкафа мотыляется на петлях, второй и вовсе нет на месте.

– Это мой дом, – сказал черт. – Можешь оставить книгу здесь.

Я со скепсисом отнесся к этим словам. По черту и не скажешь, пытается ли он меня развести и оставить книгу себе, или же наоборот, пытается меня уберечь от кары демона.

– Я тебе давал повод мне не доверять? – спокойно спросил черт, как всегда, прочитав мои мысли.

Я поджал губы и отвел взгляд.

– Нет, не давал. Но кто знает? И вообще, у тебя будут большие проблемы, если Гортей найдет книгу в твоем доме.

– У меня уже проблемы, Ниортан, – медленно проговорил искуситель. – Просто положи книгу и забудь о ее существовании.

– Что в ней такого? Она же пуста.

– Ты сам знаешь ответ на этот вопрос.

И действительно. Я знаю. Я знаю, что у книги есть содержимое, и что прочесть его могут не все. Оно откроется тем, кто умеет сильно думать. Ангелам, чертям и мне.

– О чём книга? – спросил я, зная, что черт продолжает читать мои мысли.

– Не читал.

Я вынул книгу и раскрыл на случайной странице перед чертом. Его глаза быстро забегали по белой бумаге. И вдруг случилось невероятное – подобно обычным душам, черт становился прозрачным. Его брови вздернулись, а на лбу появились длинные глубокие морщины.

Черт отвернулся от содержимого. Он сжимал пальцы в кулаки и дрожал.

– Что? Что написано в этой книге? – спросил я, еще раз заглядывая в пустую страницу.

– Зачем ты мне показал это? – сквозь сжатые зубы процидил черт, стоя спиной ко мне.

Потихоньку он начал обретать цвет, но все еще оставался прозрачным.

– Что там написано? – настойчиво повторил я.

– Там… – черт наклонил голову и посмотрел на меня через плечо. Возможно, мне больше никогда не доведется увидеть слезы черта, существа, лишенного человеческих чувств. – В этой книге правда. Ее нельзя читать никому. Нужно ее вернуть.

Я захлопнул книгу.

– Но минутой раньше ты хотел оставить ее у себя! – попытался возразить я.

– Нет! Не читай. Она потому и скрыта от посторонних глаз. Это защита. Она сделана не просто так, – искуситель начал расхаживать по комнате из стороны в сторону. – Мне нельзя было этого видеть.

– Но что ты прочитал? Мне-то хоть скажи! – не унимался я. – Если я постараюсь, я все равно прочту сам.

– Нет! Не вздумай ее читать. И вообще, ее нужно сжечь. Дай сюда!

Я сильнее стиснул книгу в руках, прижал ее к груди.

– Отдай!

– Нет!

Черт кинулся на меня. Я развернулся и дал деру. Искуситель – следом. Я не оборачивался, а только стискивал книгу в руках. Это мое сокровище, это я украл книгу у демона. И я смогу ее прочесть.

Мимо мелькали черные тени жителей полуразрушенного города. Они останавливались, глядя мне вслед. Кто-то даже присоединялся к погоне. Не думаю, что они понимали, какую книгу я уношу. Стадное чувство – вот чем движима толпа чертов.

Город уже остался позади, а я все бежал. Тени потихоньку отставали – только одна продолжала погоню. Ноги подкашивались от усталости, я оборачивался, но искуситель все еще бежал. Бежал стойко и упрямо.

Когда я свалился без сил, черт догнал меня и спокойно поднял книгу с моей груди.

– О чём книга? – продолжал выспрашивать я.

– Ее нельзя читать, – настаивал на своем черт, глядя на меня сверху вниз. – Ее надо уничтожить, чтобы никто больше в нее не заглядывал.

– Что ты там прочел?

Черт не ответил. Он развернулся и пошел в сторону города. Мне стоило огромных усилий подняться и нагнать его. А искуситель шел ровно, как будто и не бежал за мной так далеко. Все же Ньянд, как я теперь вижу, огромен.

– Расскажи.

– Нет. И не открывай ее больше.

– И не открою, если ты ее мне не вернешь.

Черт остановился. Казалось, он задумался о чем-то, но лицо его оставалось спокойным и мягким. Таким оно было, когда мы встретились впервые – на суде. Искуситель посмотрел мне в лицо. Как жаль, что не в моей власти читать мысли высших созданий.

В итоге черт улыбнулся и протянул книгу мне.

– Пусть это будет на моей совести, – сказал он. – Пусть кто-то знает правду.

Я снова открыл книгу. Все те же белые, не опороченные чернилами листы. Я не могу ее прочесть.

– Сможешь. Когда-нибудь ты сможешь. Дай Бог, чтобы это произошло раньше, чем ты станешь десяткой.

Я улыбнулся, но, взглянувшись в лицо черта, тут же стух. Он говорил это на полном сердце. Он уверен, что я стану десяткой. Он уверен, что я умру.

Искуситель слегка прозрачен. Он отдает мне книгу на свой страх и риск. Проблемы от этого будут не только у меня, но и у него.

– У нас уже проблемы. Если с Богом бороться проблематично, да и смысла я особого в этом не вижу, то с демоном еще можно. Ведь он такой же, как и мы.

– В смысле, такой же? Да и мы совершенно разные. Если я обычный человек, то ты – божественное высшее создание, ты выше меня…

– Не выше.

– Ты способен читать мои мысли, ты почти не испытываешь эмоций, ты не устаешь при долгом беге…

– Потому что не знаю усталости.

– Хорошо, но мысли-то я вот читать не могу, а вот ты можешь.

– Сможешь.

– Ладно, допустим. Но я все равно не считаю нас равными.

– А я считаю. Теперь, после того как прочел книгу, – искуситель кивком указал на сокровище в моих руках.

– Ты прочел только пару абзацев.

– Их хватило. Прячь и пошли, будем прятать тебя.

Я быстренько запихнул книгу демона за шиворот. Благо народу здесь нет, видно, мы совсем далеко отошли от Ньянда. Не будь рядом черта – я бы давно заблудился и запаниковал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.